

**Федеральное государственное бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования  
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА  
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ  
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Бикситова Ж.А., Гречкина О.В., Душакова Л.А.,  
Маргиев А.С., Сушкова О.С., Шмалый О.В.**

**Современные подходы к формированию концепции  
правового обеспечения цифровой экономики**

**Москва 2020**

**Аннотация.** Одной из основных задач государства на современном этапе, является разработка четкой концепции развития инновационных технологий в социально-значимых сферах жизни. Успешная реализация данной концепции опосредуется пониманием технологической составляющей, определяющей работу алгоритмов, закодированных в программном обеспечении, и юридическим обеспечением инновационных цифровых технологий. Стремительные процессы появления и распространения новых цифровых технологий в экономическом обороте и, прежде всего, в финансовой сфере, диктуют необходимость повышения роли государства в законодательном обеспечении их регулирования и внедрения в жизнь. В этой связи востребован актуальный мониторинг новейших цифровых технологий с проработкой правовых моделей их адаптации к российским условиям.

Шмалий О.В., ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Актуальные проблемы права и национальной безопасности» ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Гречкина О.В., ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Актуальные проблемы права и национальной безопасности» ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Бикситова Ж.А., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Актуальные проблемы права и национальной безопасности» ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Душакова Л.А., старший научный сотрудник, научно-исследовательской лаборатории «Актуальные проблемы права и национальной безопасности» ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Сушкова О.В., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Актуальные проблемы права и национальной безопасности» ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Маргиев А.С., младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Актуальные проблемы права и национальной безопасности» ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                  |           |
|------------------------------------------------------------------|-----------|
| <b>Аннотация.....</b>                                            | <b>2</b>  |
| <b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>                                             | <b>6</b>  |
| <b>1 Концептуальные предпосылки правового обеспечения</b>        |           |
| <b>цифровой экономики.....</b>                                   | <b>7</b>  |
| 1.1 Цифровая экономика как объект правового регулирования.....   | 7         |
| 1.2 Международно-правовые стандарты цифровой экономики.....      | 13        |
| 1.3 Концептуальная модель правового регулирования отношений в    |           |
| условиях цифровой экономики в РФ.....                            | 18        |
| <b>2 Цифровизация государственного управления как фактор</b>     |           |
| <b>обеспечения его эффективности на современном этапе.....</b>   | <b>26</b> |
| 2.1 Перспективы формирования системы государственного            |           |
| управления, адаптированной к современным цифровым технологиям.   | 26        |
| 2.2 Правовое обеспечение применения цифровых технологий в        |           |
| государственном управлении.....                                  | 40        |
| 2.3 Правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в         |           |
| систему судопроизводства.....                                    | 46        |
| <b>3 Правовые основы реализации прав и свобод личности в</b>     |           |
| <b>условиях цифровой экономики.....</b>                          | <b>51</b> |
| 3.1 Правовое обеспечение формирования единой цифровой среды      |           |
| доверия.....                                                     | 51        |
| 3.2 Правовое регулирование сбора, хранения и обработки данных,   |           |
| с использованием новых технологий.....                           | 53        |
| 3.3 Правовые условия эффективного использования результатов      |           |
| интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики..... | 60        |
| 3.4 Правовые условия для внедрения и использования               |           |
| инновационных технологий на финансовом рынке.....                | 64        |
| <b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</b>                                           | <b>73</b> |
| <b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....</b>                     | <b>76</b> |

## **ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ**

Сокращения и обозначения:

ГосСОПКА – глобальная система по борьбе с компьютерными атаками

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ИКТ – информационно-коммуникационные технологии

Комиссия ЕС – комиссия Европейского союза

НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НПА – нормативные правовые акты

ПМ – план мероприятий

РИД – результаты интеллектуальной деятельности

СРО – саморегулируемые организации

CMS – комплаенс-системы

## **ВВЕДЕНИЕ**

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года поставил задачу «запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения — цифровой экономики». Распоряжением Правительства от 28 июля 2017 года № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках реализации Указа Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в целях ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Таким образом, ключевым вызовом для государства сегодня являются: с одной стороны принятие определенных решений, с другой - готовность предоставить гражданам не только услуги, но и новые права и гарантии их соблюдения. Основной задачей государственного управления на современном этапе является разработка четкой концепции развития инновационных технологий в социально-значимых сферах жизни. Успешная реализация данной концепции опосредуется пониманием технологической составляющей, определяющей работу алгоритмов, закодированных в программном обеспечении, и юридическим обеспечением инновационных цифровых технологий. Стремительные процессы появления и распространения новых цифровых технологий в экономическом обороте диктуют необходимость повышения роли государства в законодательном обеспечении их регулирования и внедрения в жизнь. В этой связи востребован актуальный мониторинг новейших цифровых технологий с проработкой правовых моделей их адаптации к российским условиям.

В работе предпринята попытка обобщить опыт применения новейших цифровых технологий, исследовать предпосылки их появления, оценить их перспективность для российской экономики и государственного управления. Системный анализ, обобщение российского и зарубежного законодательства, судебной практики в области цифровых правоотношений позволит разработать оптимальную модель правового обеспечения эффективного государственного управления данной сферой.

# **1 Концептуальные предпосылки правового обеспечения цифровой экономики**

## **1.1 Цифровая экономика как объект правового регулирования**

В настоящее время социальное регулирование переживает новую эпоху своего развития. На смену универсальным регуляторам, давно привычным для понимания и осознания, пришли новые трансформированные модели регулирования - программный код и его интерпретированные элементы: искусственный интеллект, блокчейн и др. Цифровая экономика меняет политические и общественные институты и принципы их функционирования, экономическую структуру общества, рынок труда и среду обитания человека [1].

Политической реакцией государства на изменяющиеся социально-экономические условия явилось принятие целого комплекса программных документов в области цифровизации. Так, Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р - Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года, Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 - Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» [2]. 28 июля 2017 года Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], главной целью которой явилось создание достаточных и необходимых условий для развития в России цифровой экономики. На сегодняшний день актуальным является Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [4].

Следует отметить, что за рубежом исследования в области цифровизации ведутся давно. В зарубежной науке цифровизация в основном рассматривается как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы в современную эпоху.

В качестве объекта правового регулирования за рубежом значительное внимание уделяется различным программам инвестирования в цифровую инфраструктуру, о чем говорится в большинстве стратегических документов, посвященных развитию цифровой экономики (Великобритания [5], Германия [6], Франция [7], Австралия [9], Индия [10]). В Европейском союзе принят единый стратегический документ наднационального уровня - Стратегия единого цифрового рынка [8], который предполагает активное финансирование

программы «Цифровая Европа» для повышения международной конкурентоспособности Европейского союза, а также для развития и укрепления его стратегического цифрового потенциала в отношении искусственного интеллекта, кибербезопасности, передовых навыков работы с цифровыми технологиями, а также обеспечения их широкого использования и доступности как для предпринимательского сообщества, так и для государственного сектора.

Определяя объекты правового регулирования в области цифровизации необходимо обратить внимание и на цифровую повестку Евразийского экономического союза, как «тот правовой ландшафт, который в какой-то мере даже больше опосредует эту сферу, чем национальное законодательство» [1]. Право ЕАЭС предусматривает обеспечение цифровой трансформации управления интеграционными процессами, их реинжиниринг, международной кооперации, использование цифровых моделей, процедур, порядков, стандартов и методологии управления проектами.

Один из вариантов правового регулирования — сочетание разных стратегий. В некоторых странах, в частности во Франции и Великобритании, необходимые в данный момент законы уже приняты. [11], [12] Тем не менее, общая тенденция такова, что государства не спешат опосредовать законом новые общественные отношения. И это при том, что, например, внедрение в различные сферы социальной жизни технологии, блокчейн, или распространение криптовалют, уже позволяет говорить о новой экономике. Некоторые страны, в том числе Соединенные Штаты Америки и Россия, идут по пути казуального регулирования этих отношений [1]. Суды вынуждены, при отсутствии четких правовых установок, решать нетипичные дела посредством прецедентов. [13]

Для определения основных регуляторов в области цифровизации, пожалуй, одним из основных критериев является формирование четкого понятийного аппарата и опосредуемых данными категориями объектов правового регулирования. Закономерно, что, в первую очередь, следует определиться с понятием «цифровая экономика». Впервые данный термин был введен американским профессором Массачусетского технологического института Николасом Негропonte в 1995 году в книге «Being Digital» [14]. Однако и по сей день отсутствует единообразный подход к определению содержания данной категории, хотя соответствующие доктринальные попытки имеют место. В этой связи следует отметить достижения экономической доктрины (В.В. Иванов, В.М. Матвеева [15], Н.К. Норец, А.А. Станкевич [16], Р.В. Мещеряков, Н.В. Василенко [17], А.А. Энговатова и др.).

В большинстве случаев «цифровая экономика» описывается как процесс или же как результат «цифровой трансформации экономики». Следует согласить с позицией А.В. Шиманской и К.В. Якушенко, согласно которой понятие «цифровая трансформация экономики» на данный момент до сих пор не устоялось в научных кругах, и в большинстве случаев оно как раз используется бизнес-сообществом, а также представителями наднациональных и государственных структур [18]. Однако в рамках Евразийского экономического союза представляется довольно четкое понимание того, что такое «цифровая трансформация экономики».

Очень важно отметить то, что технологически, цифровая экономика – это среда, в которой физические и юридические лица контактируют между собой по поводу вопросов совместной деятельности». Однако в контексте вышеприведенного определения, необходимо рассматривать не любую совместную деятельность, а деятельность именно экономическую, то есть связанную с процессами перераспределения, создания и обмена блага для удовлетворения определенных потребностей.

Система цифровой экономики, с точки зрения технической реализации, основывается на создании цифровых платформ, под которыми в теоретическом плане понимается своеобразная площадка, представленная в виде информационной системы, способной поддерживать комплекс автоматизированных процессов, необходимых для потребления цифровых товаров и услуг заинтересованными акторами на цифровых рынках. Цифровая платформа призвана выполнять транзакционную, интеграционную, а также технологическую функции.

Основное легальное определение «цифровой экономики» можно вывести из Паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в котором «цифровая экономика» описана как экономика, в которой данные в цифровой форме выступают ключевым фактором производства в различных сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечивается наиболее эффективное взаимодействие, в том числе трансграничное, научно-образовательного сообщества, бизнеса, граждан и государства. Возможно, подобное определение «цифровой экономики» и не может отразить в полной мере все правовые особенности понимания данного термина, однако на данный момент является наиболее практически применимым и универсальным [19].

В паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» выделяется три уровня цифровой экономики, которые в тесном взаимодействии между собой влияют на жизнь граждан и общества в целом: отрасли

рынка и экономики, технологии и платформы, среда, создающая условия для развития технологий и платформ и наиболее эффективного взаимодействия отраслей экономики и субъектов рынка.

Таким образом, основными сферами общественных отношений в рамках цифровой экономики, которые требуют правового регулирования, являются: сфера производства, сфера финансового обращения, сфера электронной торговли.

Основы нормативного регулирования цифровой экономики в настоящее время заложены в стратегических документах. Реализуемая ныне национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» сфокусирована на развитии следующих базовых направлений: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии, цифровое государственное управление. В рамках данных направлений определены цели и институциональные и функциональные задачи развития цифровизации.

Задачи и предполагаемые результаты, закрепленные в программных документах, позволяют говорить о тех объектах правового регулирования, которые должны найти свое отражение в нормативно-правовых актах. При этом нужно не забывать о возможных пределах правового регулирования, учитывая специфику сферы цифровой экономики. Такие пределы могут быть установлены посредством риск-ориентированного подхода, при котором регулятор устанавливает критерии отнесения объекта защиты к определенной категории риска.

Цифровую экономику невозможно подвести под общий правовой знаменатель. Кроме того, цифровая повестка развивается значительно быстрее, нежели регуляторы данного процесса. Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» определяет временные ориентиры и целевые показатели, которые необходимо достигнуть. Результатом реализации проекта должно стать обеспечение реализации двух концепций: комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики (1); организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики, предусматривающих расширение мероприятий федерального проекта, в том числе за счет придания гибкости правовому регулированию цифровой экономики иными отраслями законодательства (2024 г.).

Итак, успешное функционирование цифровой экономики возможно лишь при сбалансированном правовом регулировании. Здесь речь идет, в первую очередь, об оптимальном соотношении норм права и других социальных регуляторов. Своеобразным

индикатором пределов правового регулирования выступают возможные риски, отсутствие таких рисков или низкая категория риска, позволяет говорить о возможном соотношении права и других социальных регуляторов. В частности, подобным инструментарием может выступить саморегулирование.

Вполне очевидно, что полноценное правовое регулирование в области цифровизации невозможно вне понимания технологических особенностей цифровой экономики. В этой связи логично, что пределы регулирования должны определять не только и не столько юристы, а представители технических профессий, способные определить ту или иную категорию риска в области цифровых отношений.

Поиск эффективного баланса правового регулирования и саморегулирования возможен через активно применяемую в последнее время практику правового эксперимента. В частности, Министерством экономического развития РФ подготовлен проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20]. Экспериментальный правовой режим смогут установить, например, в таких сферах, как: дистанционная торговля товарами, работами, услугами; разработка, тестирование и эксплуатация высокоавтоматизированных транспортных средств; строительство, эксплуатация зданий, сооружений. Отметим, что ЦБ РФ еще с 2018 года подобные правовые режимы (регулятивные «песочницы») установил для финансовых продуктов. В законопроекте определены условия применения экспериментальных режимов.

Специфика цифровой экономики как объекта правового регулирования заключается в ее наднациональном характере. Цифровизация не может обеспечиваться только нормами отечественного законодательства; глобальные масштабы цифровой экономики предопределяют интегративный характер законодательства. Встраиваемость международного законодательства в отечественное право закреплено в части 4 статьи 15 Конституции РФ. Учитывая то обстоятельство, что нормы международного законодательства могут повлечь серьезную коррекцию отечественного права, нужно весьма взвешенно подходить к ратификации международных договоров.

Внедрение цифровой экономики повлечет за собой новые вызовы и угрозы. В контексте определения угроз безопасности целесообразно выделить прямые и косвенные угрозы. К категории прямых угроз, следует отнести, в частности, киберпреступность. [21] В последние годы в области киберпреступности тревогу вызывают не только хакерские атаки, но и преступления, совершенные при использовании инновационных систем

взаиморасчетов, основанных на использовании криптографической технологии распределенного реестра.

Определяя косвенные возможности нанесения ущерба состоянию национальной безопасности в области цифровизации, необходимо отметить, что большинство данных действий не связано с умыслом, однако при этом велика возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан.

Так, на законодательном уровне отсутствует не только унифицированная система источников электронного взаимодействия (деятельности) органов государственной власти, но и легальные дефиниции базовых для такой системы понятий «электронное взаимодействие» и «информационная инфраструктура электронного взаимодействия». Отсутствие правовой определенности в данной сфере приводит к нарушению прав граждан, в частности, в области налогов и сборов. [22]

Проведенное исследование характерных признаков цифровой экономики как современного социального явления позволило определить подход к ее пониманию в качестве объекта правового регулирования. Цифровая экономика как объект правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и защиту публичных интересов посредством принятия мер государственного воздействия, пределы применения которых определены на основе риск-ориентированного подхода, и на реализацию частных интересов граждан и организаций посредством индивидуального регулирования на основе автономии воли субъектов, возникающих в связи с применением в практической деятельности человека основанных на цифровых технологиях методов генерирования, обработки, хранения и передачи данных.

## **1.2 Международно-правовые стандарты цифровой экономики**

Процессы социального развития текущего века обусловлены множественностью факторов, в числе которых ведущую роль играют информационно-коммуникационные технологии, во многом определяющие социально-психологические установки, формирующие образ жизни, как отдельного человека, так и социокультурные и социоэкономические стандарты жизнедеятельности социума в целом, включая параметры взаимодействия государства в лице уполномоченных субъектов и гражданского общества. Информационно-коммуникационные технологии становятся одним из базовых ресурсов социально-экономического и политико-правового развития в глобальном масштабе,

обеспечивая, в то же время, потребности предпринимательской деятельности частных лиц, индивидуальных предпринимателей и предпринимательских сообществ, в части своего роста и преодоления экономических, социальных и административных проблем, открывая перспективы развития бизнеса.

На основе анализа международных актов характеризуются международно-правовые стандарты цифровой экономики, оценен возможности их реализации в законодательстве России. При этом следует отталкиваться от базового тезиса о том, что качество и эффективность имплементации актов международного права в национальную правовую систему обусловлено, главным образом, потенциальными политико-правовыми возможностями конкретных государств адаптировать международные стандарты применительно к внутригосударственному законодательству. Такого рода возможности, в свою очередь, должны быть обеспечены социально-экономической средой, уровень развития которой обладает высокой степенью поддержки и заинтересованности в реформах политико-правового характера. При этом потенциальный имплементационный ресурс существенно повышается, когда если государство способно найти и реализовать разумный баланс в части сохранности сложившихся национальных правовых традиций в сочетании с выполнением принятых на себя обязательств международного характера [23].

Международно-правовые стандарты в эпоху цифровизации условно можно разделить два вида:

1. Это основные принципы и права, которые человек имеет в обычной жизни, закрепленные, например, во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и многих других, фундаментальных актах, которые должны быть также защищены при использовании Интернета.

Данный подход также закреплен и подтверждается пунктом 9 Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 2015 года [24].

2. Это принципы и права, которые возникли непосредственно в связи с развитием технологий и внедрением их в повседневную жизнь, в экономику, в государственное управление, те явления, которые и вызвали расширение правового регулирования и его переход в виртуальное пространство.

Международно-правовые стандарты цифровой экономики определены комплексом документов:

Окинавская Хартия глобального информационного общества (2000); Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003); План действий Тунисского обязательства (2005); Соглашение

Содружества Независимых Государств (СНГ) о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в информации (2001); Соглашение Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (2009).

Названные документы формируют следующие выработанные мировым сообществом стандарты:

1. реализация структурных и экономических реформ, обеспечивающих реализацию базовых параметров открытости, эффективности, конкурентности и новационности в сочетании с мерами, направленными на адаптацию рынка труда, развитие человеческого ресурса и достижение социального согласия;

2. рациональное регулирование и управление макроэкономическим развитием в целях повышения качества и эффективности текущего и стратегического планирования в бизнес-сообществе и в среде потребителей, основываясь на преимуществах новых технологий информационного и цифрового развития;

3. конструирование информационных систем и сетей, способных обеспечить быстрый, надежный, безопасный и экономичный доступ к сетевым ресурсам, их обслуживание и использование в условиях сохранности конкурентных рыночных условий и соответствующих новаций;

4. развитие людских ресурсов, способных к адаптации в современных технологических и социально-экономических условиях на основе формирования и непрерывной реализации в течение всей жизни образовательной траектории, постоянно обучаясь и развиваясь в целях существования в парадигме растущего спроса на специалистов в области информационно-коммуникационных технологий в различных секторах отечественной и мировой экономики;

5. мобилизация и максимизация доли использования информационно-коммуникационных технологий в сфере реализации государственно-властных функций и полномочий и организация предоставления публичных услуг в режиме реального времени, обеспечивая, тем самым, повышение уровня доступности власти для граждан и организаций.

6. реализация ресурсов и возможностей органов публичной власти и управления, а равно всех заинтересованных сторон в увеличении масштаба применения информационно-коммуникационных технологий в целях содействия развитию;

7. доступ к информации и знаниям;

8. реализация принципов и условий сочетания культурного разнообразия и культурной самобытности, языкового разнообразия и местного контента;

9. поощрение средств массовой информации различных организационно-правовых форм, форм подачи информационного контента к повышению их роли и объема функционала в дальнейшем развитии информационного общества и цифровой среды;

10. укрепление и расширение инициативы на базе информационно-коммуникационных технологий по предоставлению медицинской и гуманитарной помощи в условиях чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и иных экстраординарных ситуаций;

11. пользование информационно-коммуникационных технологий в качестве базового ресурса систематического распространения информации в агропромышленном комплексе в области сельского хозяйства, растениеводства, животноводства, рыболовства, продовольствия, лесного хозяйства, обеспечивая активное увеличение масштаба свободного доступа к комплексной, актуальной и подробной информации, особенно в сельской местности.

Наднациональные стандарты правового сопровождения цифровой экономики также активно формируются в международном пространстве, сформированном Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), что обуславливает проблематику гармонизации нормативно-правового контента цифровизации в пределах юрисдикции ЕАЭС. Договор о создании ЕАЭС и сопровождающие его документы обеспечивают организационно-правовые основы функционирования Таможенного союза, формируя консенсуальную архитектуру единого экономического пространства таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, технического регулирования.

Дальнейшее продвижение модели единого экономического пространства предполагает последующее развитие договорного регулирования и национального нормативного регулирования, включая развитие нормативно-технического регулирования, что неизбежно в силу активизации цифровых трансформаций на пространстве ЕАЭС. Такого рода развитие правового сопровождения должно обеспечить минимизацию либо полное исключение возможных ограничений для цифровизации в контенте права ЕАЭС, формирование глобальной цифровой среды доверия, как на пространстве ЕАЭС, так и в отношениях с другими государствами и межгосударственными объединениями, терминологическую и институциональную гармонизацию в сфере цифровизации, нормативно-техническую адаптацию, создающую благоприятную среду для

транснционального цифрового развития, децентрализацию реестрово-удостоверительной деятельности на пространстве ЕАЭС.

Рассматривая вопрос стандартов и подходов к правовому регулированию цифровой экономики, необходимо понимать в качестве основополагающей следующую мысль. Цифровизация должна рассматриваться как способствующий фактор развития (преобразования) любых экономических и социальных процессов. Любых общественных отношений, поскольку в широком смысле она влечет их возникновение, изменение или прекращение. Такие преобразования затронут работу всех секторов экономики, модели потребления и взаимодействия бизнеса. Цифровизация выступает локомотивом социально-экономического роста в контексте решения задач достижения существенного поступательного социально-экономического развития, обеспечивая новыми ресурсами отдельные сферы социальной жизнедеятельности, бизнес, рынок труда, образ жизни конкретных людей и их сообществ.

Сегодня каждое государство вырабатывает формат и форму концепции цифрового развития разными путями: как принятием национальных стратегических планов и законодательных актов, так и подзаконных актов. Лидирует в части реализации национальной цифровой повестки США, где объем цифровизации составляет порядка 10,9% ВВП. Также активно продвигается регулирование цифровизации в Китае (Инструктивные указания Госсовета КНР по активному продвижению действия «Интернет+», Стратегия «Сделано в Китае – 2025», «План развития искусственного интеллекта (ИИ) нового поколения»), Великобритании ((DigitalEconomyactof, 2017; Digital Strategy), Германии («Индустрия 4.0», CPS – cyberphysicalsystems, smartmanufacturing). В Сингапуре, Финляндии и Израиле приняты долгосрочные комплексные стратегические планы для решения задачи по созданию условий для цифровых инноваций и развития цифровой экономики.

По своей сути все регулирование цифровой экономики вне зависимости от формы на сегодняшний день сводится к обеспечению кибербезопасности, развитию электронного правительства, развитию интернета и обеспечению свободного доступа граждан к информации, модернизации образования.

Обобщение мировых практик цифровизации демонстрирует процессы интенсификации внедрения социальных технологических инноваций: развитие сферы влияния социальных медиа и расширение онлайн-транзакций между государством и гражданами и организациями, активизация платформ для реализации гражданских инициатив, развитие технологий Data Mining, Big Data, Deep learning, Blockchain.

В государствах Евросоюза стратегия развития цифрового правительства предусматривает решение вопросов цифровой модернизации публичного администрирования, обеспечение социально-экономической мобильности на основе построения механизмов и инструментария трансграничного взаимодействия и преодоления географических административных барьеров, цифровое обеспечения качества публичных услуг [25, 26].

В целом можно идентифицировать два спектра цифровизации: модернизация качества публичного управления (модель цифровой власти и цифрового правительства) и создание комфортной среды (модель «Умный город», «Цифровой город») [27]. Оба спектра являются элементами цифровой экосистемы и начали внедряться также на территории Российской Федерации.

Необходимо учитывать, что государство может лишь обеспечить условия для перехода к цифровой экономике. Политика перехода должна проводиться путем создания особых правовых режимов. Переход к цифровой экономике может быть исключительно комплексным и с привлечением бизнес сообщества.

### **1.3 Концептуальная модель правового регулирования отношений в условиях цифровой экономики в РФ**

Новая социально-экономическая реальность требует надлежащего правового сопровождения, которое требует переосмысления, прежде всего, в идеологическом мировоззренческом контексте, поскольку сложившийся на сегодняшний день правовой инструментарий по большей части не в состоянии обеспечить решение «цифровых» задач ни в порядке реактивного, ни в порядке стратегического регулирования, не обладая необходимыми и достаточными параметрами регулятивной эффективности, сдерживая, в конечном итоге, динамично модернизирующиеся экономические процессы. Как следствие, возрастает полиотраслевая юридическая пробельность и коллизийность как нормативного, так и правоприменительного свойства в части решения вопросов цифровой идентификации и аутентификации, цифрового экономического оборота, банковского регулирования, защиты прав лиц в связи с использованием цифровых технологий, обеспечения кибербезопасности и информационной безопасности и проч.

Активная цифровизация влияет на архитектуру и функционирование общественно-политической организации, экономическую и социальную стратификацию, рынок труда и инфраструктуру жизнедеятельности индивида и общества в целом.

Инновационное развитие обуславливает взаимопроникновение технологий в физической, биологической и цифровой сред, формируя новый конструкт производственных отношений, трансформируя традиционные линейные транзакции между субъектами экономических отношений в сетевые потоки. В результате можно констатировать возникновение новой модели социальной справедливости в контексте новой организации труда и отдыха в соответствии с новым этапом развития социума. Такого рода контент социально-экономического развития предполагает адекватную правовую надстройку, способную гибко адаптироваться к социально-экономическим новациям, синхронизированную с цифровым развитием.

Первым ответом на «цифровой» запрос можно полагать государственную целевую программу «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р), которая была сформирована в развитие [Стратегии](#) развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, а затем приобрела статус национального проекта. Программа призвана обеспечить идейно-ценностную основу формирования правового сопровождения государственной политики в области цифровизации и создания цифровой экосистемы и инфраструктуры. Реализация программы также позволит новое качество транзакций между государством, гражданами, бизнес-сообществом, в том числе транзакции трансграничного характера. Указанная программа коррелирует национальным целям и стратегическим задачам развития России на период до 2024 года, сформулированным главой государства.

Данный документ содержит следующие основные позиции: нормирование цифровой среды, формирование соответствующей инфраструктуры данных, формирование кадрового ресурса с необходимыми цифровыми компетенциями, обеспечение информационной безопасности в соответствии с принятыми стратегиями национальной безопасности, развитие инструментария обеспечения научных исследований, как фундаментального, так и прикладного характера, в области цифровизации, внедрение конструкта цифрового государственного управления и развитие модели цифрового правительства. Каждому из направлений соответствует отдельный федеральный проект. Указанная система программных ориентиров призвана обеспечить экономический рост на основе новых производственных технологий, использующих возобновляемые ресурсы, минимизируя экстенсивное использование сырьевых ресурсов.

Принципиальное значение для организации цифровой нормативно-регулятивной системы имеет решение вопросов оборота больших данных, что непосредственно

обеспечит глобальную технологическую конкурентоспособность, что следует, прежде всего, из стратегических установок по отношению к развитию информационных технологий [в Российской Федерации на среднесрочную](#) перспективу. Непрерывность актуализации проблематики развития и внедрения технологий Big data происходит как в документах стратегического характера, так и в отраслевых актах нормативного регулирования.

Тем не менее, легализация необходимого терминологического аппарата пока не состоялась, в том числе отсутствует нормативное определение термина «большие данные», равно как и комплексное нормирование в целом. В [подп. «к» п. 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы](#) имеет место нормативное понимание обработки больших объемов данных, которое позволяет установить, что Big data является информацией, обладающей или не обладающей признаками структурированности, возникающей из значительного числа различных источников, включая разрозненные или слабосвязанные, объем которой не позволяет ее ручную обработку за разумное время. Также следует обратить внимание на то, что эксперты, обсуждая объективность моделирования нормативно-регулятивного опосредования цифровой экономики и сопутствующих процессов, транслируют еще целую серию терминов, нуждающихся в легализации и дифференциации с Big data.

Большие пользовательские данные, тем не менее, соответствуют конкретному физическому лицу - субъекту персональных данных. При этом принципиально отличен контекст регулирования больших данных как совокупности, которая обладает групповыми характеристиками, присущими различным субъектам персональных данных, и используется в рамках стратегического планирования, и регулирования совокупности данных для анализа, допустим, платежеспособности конкретного физического лица.

Мировой опыт демонстрирует различные версии и подходы к регулированию обработки данных. В этой связи можно выделить американскую модель и модель, сформированную в европейских государствах и Китае. Для обеих моделей правовой регламентации больших пользовательских данных (через пользовательские соглашения о взаимодействии физического лица и обрабатывающих данные компаний или через жесткое законодательное регулирование путем приравнивания к персональным данным) характерны свои особенности, которые должны быть досконально исследованы и учтены при выборе регулятивной конструкции больших данных в национальной правовой системе, что, в конечном итоге, является одним из важных факторов обеспечения конкурентоспособности страны на глобальных рынках.

Необходимость получения согласия физического лица как принцип использования его данных положен в основу разработки инфраструктуры «Цифрового профиля» как платформы, которая направлена на технологическое обеспечение обмена информацией между государственными структурами, физическими лицами и организациями. Проектное регулирование цифрового профиля предусматривает, в том числе, возможность предоставления организациям доступа к содержащимся в государственных информационных системах сведениям о физическом лице при получении его согласия. Пилотным проектом будет организация доступа структур банковского сектора к данным ГИС для формирования кредитных заявок и проведения оценки кредитоспособности конкретных лиц в онлайн-режиме с получением потенциальными заемщиками соответствующего согласия на осуществление этих действий в специальном приложении. В этой связи, помимо совокупности данных из государственных информационных систем, в цифровом профиле физического лица будут содержаться сведения о так называемых цифровых согласиях (перечни персональных данных, доступ к которым санкционирован их субъектом при получении услуг).

При этом содержимое самих информационных систем – как зарегистрированных в качестве ГИС (количество которых на сегодняшний день составляет более 300), так и не зарегистрированных, но используемых органами власти – будет включено в Национальную систему управления данными (НСУД). Предполагается, что НСУД будет интегрирована с инфраструктурой электронного правительства, государственными справочниками и классификаторами, что позволит обеспечить актуальность и избежать дублирования информации, содержащейся в разных базах. Не исключено, что контролировать качество содержащихся в НСУД данных смогут и непосредственно граждане и организации, но механизм такого контроля пока не разработан.

Согласно проведенному в конце прошлого года компаниями IDC и Seagate Technology исследованию The Digitization of the World – From Edge to Core, наиболее подготовленной к цифровой трансформации, предполагающей, помимо прочего, непосредственное использование технологий анализа данных для принятия решений, является промышленность. Именно промышленный Интернет обеспечивает возможность своевременной и адекватной оценки состояния оборудования, его обслуживания и модернизации и, как закономерное следствие, максимально эффективного его использования, что, в конечном итоге, в режиме реального времени способствует формированию нового подхода к работе с потребителем в целом.

В банковской сфере технологии больших данных позволяют качественно улучшить процедуры выявления признаков потенциально мошеннических операций, предлагаемые клиентам финансовые продукты и анализ востребованности новых предложений. Поскольку такого рода исследования весьма финансово обременительны, возможно создание кредитными организациями корпоративно, а равно совместно с производителями аппаратно-программного обеспечения инновационных площадок по типу «регуляторных песочниц», что позволит конкретной кредитной организации планировать и прогнозировать результаты предложения на рынке финансовых услуг новых продуктов, а производителям ПО разрабатывать, модернизировать и обслуживать аппаратно-программные платформы, адаптированные под специфику бизнес-задач кредитной организации или сегмента банковского сектора.

Перспективы Big data очевидны также в медицине и в сфере организации охраны здоровья граждан. В частности, речь может идти об активизации позиций телемедицины (удаленный мониторинг состояния пациента на основании данных диагностических приборов), превентивной медицины (сбор и аналитика данных, генерируемых в системе различных ресурсов и сервисов, в том числе в социальных сетях, хотя на текущий момент медицинские организации не располагают ресурсами, позволяющими осуществить обработку столь значительного объема данных), противодействие врачебным ошибкам и «пропущенным» заболеваниям. Но такого рода использование технологии больших данных реально только в условиях перевода всех, формируемых в медицинских организациях, данных в форматы, адекватные для автоматизированной обработки.

Таким образом, следует говорить о необходимости конструирования принципиально новой регулятивной среды, благоприятной для продвижения цифровых технологий, что, по сути, исключает тактическую редактуру действующего законодательства и его «подгонку» под новые реалии и предполагает системную модернизацию национального законодательства в части управления изменениями как организационно-правового механизма контроля соответствия нормирования динамике цифровизации, развития конструкции экспериментальных правовых режимов, унификация понятийного аппарата и регулятивных принципов цифровизации в масштабе правовой системы в целом, непрерывной гармонизации нормирования с учетом наднационального контента регулирования и международных стандартов.

Конструирование инновационной регулятивной среды предполагает формулирование со стороны государства новых программно-ценностных ориентиров и современных концептуальных подходов к правотворчеству, включая трансформацию его

методологической и методической основы, развитие соответствующих компетенций, максимально активное привлечение научного и экспертного сообщества с определенной ответственностью представителей конкретных экспертных за рекомендуемые решения, изменение механизмов мониторинга и контроля в сфере правотворчества [28].

В 2018 г. была провозглашена концепция первоочередных регулятивных мер, способствующих активизации развития цифровой экономики, в числе которых механизмы преодоления юридических барьеров, прежде всего, в сфере судопроизводства, нотариата, альтернативных форм разрешения споров, страхования, транспорта и связи, формирования архитектуры понятийного аппарата и отдельных элементов системы права и законодательства (активизация развития правовых институтов, опосредующих цифровые отношения) [29, 30, 31], трансформация правового обеспечения трудо-правовых отношений, формирование правового сопровождения цифровой среды доверия, в частности, в части безопасности дистанционных коммуникаций [32], развитие правового инструментария обеспечения идентификации и аутентификации. Кроме того, тенденции технологического развития информационной и цифровой среды позволяют говорить об актуальности концептуального решения вопросов правового статуса роботов и искусственного интеллекта [33, 34], что детерминирует выработку и обоснование соответствующей позиции в философском, культурологическом, этическом и цивилизационном контекстах в целом.

В среднесрочной перспективе регулятивная парадигма должна формироваться до 2020 года, результатом чего должно стать комплексное регулирование цифровых отношений, синхронизированное к технологическому развитию, способного к адаптации и реагированию на новации. Этот период должен быть связан с формированием благоприятных юридических условий для оборота данных [35, 36, 37, 38], в частности, в условиях технологий больших данных, развития технологий биометрии, трансформации стандартов раскрытия информации и защиты данных ограниченного доступа, развития правовых механизмов оборота результатов интеллектуальной деятельности, для развития робототехники и киберфизических технологий, использования высокоавтоматизированных (беспилотных) аппаратов, для развития правового сопровождения Интернета и формирования цифровой платформы и инновационных технологий антимонопольного регулирования, регулирования рынка финансовых услуг [39, 40, 41, 42, 43], защиты прав потребителей, децентрализации государственной учетной и удостоверяющей деятельности. Достижение необходимых эффектов предполагает разработку и активное использование правовых стимулов экономического и внеэкономического характера

(налоговое стимулирование, импортозамещение, поддержка экспортных инициатив, венчурное инвестирование [44], государственно-частное партнерство).

Концепция комплексного правового регулирования цифровизации должна состояться до 2024 года. Это возможно при условии формирования адекватной регулятивной среды, способной сформировать благоприятный правовой режим технологического прогресса. Комплексность регулятивной парадигмы может быть обеспечена решением следующих задач:

формирование понятийного аппарата и «цифровых» регулятивных принципов, позволяющих обеспечить структурное реформирование национальной экономики в части минимизации сырьевой составляющей и повышения доли инновационного сегмента, что обусловит последующее научно-техническое движение и конкурентоспособность отечественного продукта;

правовое сопровождение цифровизации, правовое опосредование статуса участников цифровых экономических отношений, их видовой спецификации и спецификации объектов, порожающих юридических фактов, инструментария правового принуждения;

правовое регулирование обязательной оценки экономических эффектов проектирования нормативно-правовых актов в области цифровизации в части оценки регулирующего и фактического воздействия; развитие инструментария проектирования экспериментальных правовых режимов; синхронизация инвестиционного регулирования и цифрового развития;

мораторий на введение новых транзакций государства с гражданами и организациями и трансформация смысла, содержания и процедур контрольно-надзорной деятельности с учетом цифровых новаций;

развитие потенциала стандартизации административно-управленческих процессов; конструирование необходимой нормативно-правовой базы и библиотеки национальных стандартов в цифровом формате. В этой связи следует говорить о необходимости формирования концептуальных основ стандартизации в области цифровизации в части создания и гармонизации национальной экспертной экосистемы, корпоративных систем стандартизации, международных и иностранных систем стандартизации.

## **2 Цифровизация государственного управления как фактор обеспечения его эффективности на современном этапе**

### **2.1 Перспективы формирования системы государственного управления, адаптированной к современным цифровым технологиям**

Возможности концептуализации системы государственного управления обусловлены пределами терминологической определенности государственного управления. Легализация понятия государственного управления проблеме указанной множественности не снимает [45]. Кроме того, понимание системы государственного управления коррелирует тенденциям и перспективам социально-экономического и административно-политического развития государства и общества, одним из аспектов которого является необходимость практической реализации цифровой повестки, в том числе в глобальном масштабе (концепция цифровой экономики, концепция цифрового общества, концепция цифрового государства).

Морфология системы государственного управления в контексте адаптации к современным цифровым технологиям, как представляется, должна обеспечивать единство ряда составляющих элементов, образующих в комплексе его подсистемы: совокупное единство и целостность целей, задач и принципов реализации государственно-властного воздействия на жизнедеятельность общества; совокупность сфер, областей и отраслей государственного управления; система организационных структур государственного аппарата; совокупное единство и целостность форм и методов реализации функций и полномочий субъектов государственного управления в рамках государственно-управленческой деятельности; ресурсная обеспеченность государственно-управленческой деятельности; прямое и обратное субъектно-объектное взаимодействие, организационно обеспеченное информационными потоками, документооборотом и проч.

Стратегическое целеполагание [46] развития Российской Федерации на период до 2024 г. обусловлено решением задачи цифровизации экономики и государственного управления [47], что позволит обеспечить отвечающую современным социально-экономическим и политическим реалиям трансформацию функций государственного управления и соответствующее институциональное развитие, опосредующее новый уровень транзакционного взаимодействия между структурами государственного управления и обществом. Предполагается, что активное внедрение цифровых платформ, технологий и ресурсов в государственное управление существенно повысит параметры его

эффективности, [48], а равно обеспечить значимые цифры экономического роста. В этой связи именно государство в лице уполномоченных субъектов государственного управления инициирует и продвигает цифровую повестку, расширяя ее по направлениям реализации тех или иных задач и функций обеспечения жизнедеятельности общества.

В 2008 г. была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [49], инструментарий реализации которой был задан государственной программой «Информационное общество (2011–2020 гг.)» [50]. Цель программы состоит в реализации одной из составляющих миссии государства по обеспечению достойного качества жизнедеятельности общества, экономического развития, созданию условий для оперативного и эффективного взаимодействия государства и общества на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий, гарантируя информационную безопасность оборота данных и учитывая мировой опыт формирования и реализации подобных программ. Программа структурируется в четыре блока (подпрограммы), в числе которых «Информационное государство».

Подпрограмму «Информационное государство» можно рассматривать в качестве исходной стратегически-плановой основы цифровизации государственного управления. За истекший период имеет место существенный прогресс в области цифровизации государственного управления. В то же время динамика институциональных изменений не соответствует масштабам технологических новаций, что является достаточно существенным препятствием для дальнейшей цифровизации государственного управления и объективно снижает его качество и эффективность [51].

Провозглашенные новации в организации системы государственного управления отчасти стали следствием и реакцией на фактически сложившийся административный кризис, одним из ключевых направлений выхода из которого рассматривается цифровизация. В то же время цифровые трансформации можно полагать необходимой тенденцией в концептуализации новых управленческих практик, подверженных активному технологическому влиянию. При этом цифровизация сама по себе не формирует новую модель государственного управления, а только создает возможности изменения ее качественных параметров с учетом активно развивающихся технологий и процессов. Соответственно, цифровое государственное управление не является новым концептом – это только инструментарий, который позволит изменить эффективность административно-управленческих процессов, но не снимет принципиальные организационно-правовые противоречия в самой государственно-управленческой системе.

Сконструированная на сегодняшний день система государственного управления продуцирует определенного рода негативные управленческие практики, которые являются следствием незавершенности предшествующего реформирования и создают негативный фон для цифровой трансформации. В частности, можно констатировать нерешенность проблемы разбалансированности распределения государственно-властных полномочий и отсутствия их взаимосвязи с материальными, кадровыми и финансовыми ресурсами; служащие государственного аппарата не обладают в большинстве профессиональными компетенциями, которые позволят обеспечить их полноценное участие в процессах цифровой трансформации государственного управления.

Несмотря на то, что административная реформа официально состоялась, тенденция увеличения объема государственно-властных полномочий и их финансового обеспечения сохраняется. Но при этом организационная структура исполнительной власти сосредоточена не на стратегическом управлении, а на его тактике и управлении «по поручениям», что исключает возможность формирования оптимального и продуктивного инструментария и процессов внутриорганизационного и внешнего функционирования и взаимодействия.

В рамках внешнего взаимодействия наиболее существенными в части восприятия граждан являются административные процедуры предоставления государственных услуг. При этом, как следует из Федерального реестра государственных услуг, по ряду услуг соответствующая административная регламентация так и не состоялась. Это означает, что ряд услуг предоставляется в нарушение действующего законодательства [52]. Согласно экспертным оценкам, этот показатель на протяжении последних лет сохраняется на уровне 10–15% [53].

К числу негативных практик государственного управления можно также отнести несформированность объективного мониторинга запланированных эффектов на основе релевантной системы показателей. [54]

Реализация цифровой повестки предполагает также обновление законодательной базы. Соответственно, задача государства состоит не только в дополнении существующих актов нормами об электронном документообороте, но и в разработке принципиально новой терминологии. Учитывая отсутствие согласования юридически значимых терминов в законодательстве, в каждой правовой отрасли наметилось самостоятельное правотворчество, что препятствует унификации и научному обоснованию используемых в законодательстве терминов [55].

Законотворческие новации предполагают использование понятия цифрового профиля как совокупности сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации [56]. Как представляется, предъявленная дефиниция не демонстрирует правового значения данного явления, поскольку, по сути, констатирует, что документы, существующие в электронной форме в информационных системах электронного правительства, становятся цифровым профилем. Это определение позволяет в общем понять его значение, но с формальной стороны требует разъяснения в части соотношения с понятиями цифровой записи, данных и проч., учитывая объективную взаимосвязь их юридического содержания с их технологическим значением. Кроме того, не имеют правовых дефиниций понятия пользователя, пользователя информационной системы персональных данных, «данных пользователя».

Системная корректировка должна касаться ведомственных актов, поскольку субъекты государственного управления должны быть уполномочены вести полностью электронную документацию, то есть изменения требуют стандарты (порядки) деятельности, которые позволят работать уже только с электронными данными.

Решение задач устойчивого социально-экономического и политико-правового развития государства на сегодняшний день уже невозможно вне цифровых информационных платформ, однако этот вектор движения в то же время связан с прогнозированием, оценкой и преодолением высоких рисков для национальной безопасности, нивелирование которых возможно только в рамках обеспечения собственной технологической независимости [57]. В этой связи уместно говорить о максимальной активизации соответствующих научных разработок фундаментального, прикладного и экспериментального характера, в том числе в рамках национальных проектов (программ). В частности, на эту идею работает государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [58]. Программа в целом призвана обеспечить изменение качества государственного управления за счет нематериальной капитализации. Государство берет на себя ответственность за разработку институтов и механизмов поддержки научно-технологического развития и создание условий для его экономической целесообразности, что должно стать одним из значимых факторов конкурентоспособности государства на мировой арене в области цифровой экономики. Следует отметить, что на глобальном уровне наша страна пока проигрывает конкурентную борьбу в сфере прорывных информационных инновационных технологий, в

первую очередь, за «умные деньги», что на сегодняшний день выражается, в частности, в «вымывании» из страны сохраняющегося конкурентоспособного потенциала [59], и это несмотря на объективную потребность в исследованиях и разработках как основы глобальных цифровых трансформаций. Соответственно, необходимо говорить о создании системы управления исследованиями и разработками в области цифровой экономики. [60] Существенной проблемой также является определенного рода «размытость» системы государственного управления в научно-технологической сфере, что затрудняет комплексное системное долгосрочное прогнозирование и планирование, а равно контроль за реализацией плановых документов. Эта проблема неоднозначна, поскольку, с одной стороны, научно-технологическая сфера распределена между разными субъектами государственного управления и организациями научно-технологического профиля, с другой стороны, мировой опыт свидетельствует о нецелесообразности создания единого органа по вопросам науки и инноваций [61], что, в таком случае, предполагает эффективной межведомственной координации.

Спецификация цифровой экономики предопределяет возрастание доли интеллектуальной собственности в создании новой стоимости; основным фактором развития производства становятся инновационные нематериальные активы. Конкурентоспособность государства зависит от объемов и качества выпуска наукоемкой продукции и контроля над потоками информации. Соответственно, система государственного управления неизбежно должна трансформироваться. Создание единых цифровых информационных платформ и использование сквозных цифровых технологий формируют условия для горизонтальной интеграции и эффективного взаимодействия государственных органов на различных уровнях исполнительной власти, что обеспечит повышение качества государственного управления. В то же время государства становятся очень много, что вызывает необходимость обсуждения вопрос объема и содержания присутствия государства в части возможного дискомфорта для общества в результате получение больших удобств [62]. В этой связи можно вспомнить идею «вторичного изобретения государства» – государства более эффективного и отзывчивого, действия которого должны упреждать возникновение проблем и корректировать их, если они появились [63].

Соответственно, принципиально, чтобы управленческие функции государства в условиях новой цифровой реальности в максимальной степени соответствовали этой модели. При этом, как представляется, следует отталкиваться от идеи первичности совершенствования государственного управления и вторичности активизации внедрения

цифровых технологий, поскольку при существенных дефектах системы может произойти цифровизация дефектов в условиях слабой организованности управленческих процессов.

В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы можно говорить о целях, задачах и направлениях дальнейшего развития электронного правительства и его трансформации в цифровое правительство. Мировой опыт свидетельствует о том, что цифровые транзакции более чем существенно дешевле, нежели транзакции в любой иной форме, что дает весомую бюджетную экономию [64]. При этом цифровое правительство предполагает платформонезависимость, единые данные для совместного использования в государственном секторе и государственную инфраструктуру совместного использования, кибербезопасность и конфиденциальность и ряд других параметров. В этой связи эксперты ЦСР заявляют о необходимости создания единой архитектуры государственной цифровой платформы, цифровизации всех государственных услуг с системой удаленной биометрической идентификации, цифровизации контрольно-надзорной и разрешительной деятельности; формирования «цифровых двойников» и проактивном предоставлении государственных услуг [65], но при этом обращают внимание на факт заинтересованности системы управления в консервации своего текущего состояния как объективное препятствие к цифровой трансформации и переходу к государству-платформе. В этой связи можно полагать, что темпы цифровизации существенно замедляются из-за дублирования электронной и бумажной документации, что приводит к транзакционным издержкам для государства и бизнеса. [66].

Проблематика электронного и цифрового правительства на сегодняшний день подвергается детальному исследованию по целому комплексу направлений: этапы его становления; использование соответствующего инструментария информационно-телекоммуникационных технологий как его основы; объективность трансформаций правительства в условиях развития информационных технологий и цифровизации, его технологическое измерение; реализация цифровых стратегий в государственном управлении; оценка удовлетворенности цифровыми технологиями в государственном управлении со стороны граждан и основных стейкхолдеров [67]. В отечественной специальной литературе внимание сконцентрировано, главным образом, на архитектонике электронного и цифрового правительства, прежде всего, в его организационно-правовой составляющей [68], а также в части анализа мотивации перехода к конструкту электронного и цифрового правительства [69].

Цифровизация правительственных механизмов продвигается достаточно сложно, причем даже в тех государствах, которые признаны лидерами в организации электронного формата реализации правительственных полномочий (Великобритания, Австралия, Южная Корея) [70]; в ряде государств в полной мере не был реализован формат электронного правительства; не во всех государствах электронное правительство стало первым этапом цифровизации правительственных механизмов, поскольку дублировало традиционные формы транзакций и было технически достаточно сложным для восприятия граждан, что стало препятствием для автоматизации ведомственных процессов [71]. К этому можно добавить, что не все административно-управленческие процедуры оказались готовы к стремительной адаптации в новом пространстве цифровых технологий, поскольку сами ведомства не готовы к высокой степени взаимодействия и работе с распределенными данными пользователей, а равно имеющее место информационное и цифровое неравенства затрудняет приживаемость такого рода форматов среди всех слоев и групп населения и уход от традиционного взаимодействия между государством и гражданами.

Адаптация системы государственного управления к новым цифровым трансформациям предполагает:

ориентацию на потребности и возможности потребителей в развитии цифровых сервисов и преодолении цифрового неравенства; обучение потребителей работе с цифровыми сервисами вне режима личного присутствия (эту позицию можно внедрить в акты правового сопровождения функционала МФЦ и иных структур обслуживания); расширение доступа потребителей к информации; как следствие, обеспечение равного доступа к государственным услугам и их персонализация;

повышение открытости и профессионализма деятельности представителей публичного аппарата, формирование цифровых профессиональных компетенций, что обеспечит повышение внутренней эффективности государственного управления и обеспечит качественный уровень кадрового сопровождения «умного» процесса принятия государственных решений;

достаточное финансирование для технической модернизации административно-управленческой деятельности в части возможностей оцифровки (разработка цифровых технологий и программного обеспечения, создание цифровых фондов, защита открытой для публичного доступа информации и проч.);

преодоление парадигмы электронного документооборота и проведение межведомственных операций через прямой доступ к открытым данным, что существенно снижает финансирование административно-управленческих процессов;

полноценную интеграцию ведомственных систем предоставления услуг в единый портал, инфраструктура должна включать инструментарий идентификации и аутентификации, платежей, поддержки смс-шлюзов, интеграции персональных данных, что расширит доступ к информации субъектов государственного управления, а также снизит финансовые затраты на разработку, поддержку и обслуживание отдельных ведомственных систем;

усиление полномочий Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий предпринимательской деятельности в направлении формирования стратегического комплекса целевых показателей перехода к цифровизации правительства, включая региональную цифровизацию;

цифровой реинжиниринг правительства: создание должности руководителя по цифровизации, управлению данными, управлению изменениями, стейкхолдер-менеджменту, который будет в целом отвечать за реализацию концепции «государство как платформа» и инициировать соответствующее правовое сопровождение; оцифровка государственно-частного и муниципально-частного партнерства; легализация электронного контракта; легализация механизмов консультирования граждан, развития гражданских инициатив и краудсорсинга, включая социальное предпринимательство и волонтерство в сфере предоставления государственных услуг; легализация электронного нормотворчества; легализация механизмов проактивной публикации правительственных данных.

Цифровой реинжиниринг также должен сопровождать организацию распределения полномочий в системе исполнительной власти в части нормативного формирования механизма прямой связи полномочий с ресурсами исполнения и результатами деятельности. Отсутствие такого механизма исключает решение задач цифровой трансформации, как показывает предшествующий опыт решения государственных задач. Возможны две модели правового опосредования такого механизма. Наименее ресурсозатратным в части законотворчества является возвращение к идее издания закона, определяющего содержательные и праксеологические параметры функционирования органов исполнительной власти, в котором также будет реализована взаимосвязь с законодательством о стратегическом планировании, определена связка «полномочия-

ресурсы-результаты-ответственность», а также установлено преимущественное использование государственными органами единой инфраструктуры электронного правительства. Последняя позиция следует из ФП «Цифровое государственное управление». Вторая модель предполагает соответствующую тактическую правку действующего законодательства по конкретным полномочиям органов исполнительной власти (например, законодательства о предоставлении государственных услуг).

Наиболее чувствительной точкой соприкосновения государственных структур и граждан является предоставление государственных услуг. ФП «Цифровое государственное управление» в рамках национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [72] заявляет необходимость разработки и принятия федерального закона и иных нормативных правовых актов, закрепляющих целевое состояние предоставления государственных и муниципальных услуг по определенным направлениям. Во-первых, как представляется, в принятии нового федерального закона, а равно иных нормативных актов, нет необходимости, поскольку все эти позиции вполне могут быть опосредованы новой редакцией действующего Закона о государственных и муниципальных услугах. Вопросы типизации и стандартизации услуг подробно могут быть решены в рамках закона об административных процедурах, о необходимости принятия которого уже длительное время говорят специалисты в области административно-правового регулирования. В то же время вопросы стандартизации услуг должны быть решены, прежде всего, концептуально. Во-первых, мы можем говорить только о стандартизации предоставления услуг. Стандарт самой государственной или муниципальной услуги является бессмысленным, поскольку сама услуга в ее завершенном виде имеет форму документа, информации или правового отношения, стандарт которых не имеет отношения к стандарту услуги. Во-вторых, правовая система уже располагает двумя моделями стандартизации услуг – стандартизация через административные регламенты и стандартизация через федеральные стандарты. Приводить эту систему к единому знаменателю означает дополнительные организационные, финансовые и трудозатраты, которые фактически сохраняют уже имеющийся результат. Также представляется не вполне корректной постановка вопроса о приоритетных государственных и муниципальных услугах. Вопрос приоритетности услуги может решить для себя только ее потребитель. Для государства услуга, предоставляемая гражданина или организации, приоритетна уже сама по себе, поскольку это вопрос реализации ст. 2 Конституции Российской Федерации. Возможно, речь идет о наиболее массовых услугах, но понятия массовости и приоритетности не тождественны. Кроме того, если речь идет о типизации и

стандартизации приоритетных региональных и муниципальных услуг, то возникает вопрос о целесообразности затрачивать ресурсы именно на этот уровень предоставления услуг при отсутствии оснований их спецификации, не считая публично-территориальный уровень реализации. Если же речь идет о технологической типизации и стандартизации услуг этого уровня, то это не имеет отношения к вопросу правового регулирования. Направления законотворчества в сфере предоставления услуг в ФП сформулированы открытым порядком, что, как представляется, не соответствует смыслу программного документа в сфере целеполагания, поскольку результат не может получить завершеного выражения. Кроме того, заявлено об иных направлениях совершенствования предоставления государственных услуг, тогда как основная позиция касается также услуг муниципальных. Результатом законотворческих трансформаций должна стать конструкция новых принципов предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе путем закрепления указанных принципов на уровне федерального законодательства. Целесообразность такого результата не вполне очевидна, поскольку весь объем трансформаций не может быть сжат до уровня конструкции исключительно принципов, если только не предполагать новое смысловое наполнение категории принципов, более того, такой подход не соответствует постановке задачи (разработка и принятие федерального закона и иных нормативных правовых актов, закрепляющих целевое состояние предоставления государственных и муниципальных услуг). Таким образом, правотворческую составляющую ФП «Цифровое государственное управление» следует уточнить, учитывая не только развитие цифровых технологий и объективную необходимость реализации их потенциала в административных процедурах, но и современное состояние доктрины административных процедур и предоставления государственных и муниципальных услуг.

В рамках ФП «Цифровое государственное управление» следует предусмотреть создание цифрового ресурса определения фактической нагрузки государственных служащих и производительности их труда в целях оптимизации численности государственного аппарата и оптимизации организации его функционирования. Это принципиальная позиция, которая позволит расширить возможности реализации принципа управления по результатам, не сводя его к оценке исполнительской дисциплины или степени достижения показателей, поскольку анализ результативности на основе сопоставления плановых и фактических значений показателей без технологического сопровождения определенным образом упрощает реальность, ограничивая число

используемых показателей и, как следствие, смещая баланс интересов и влияя на интерпретацию результатов деятельности.

Разработка и реализация любого государственного планового документа предполагает необходимость оценки его результативности и регуляторных эффектов. Индикаторы результативности определяются самим программным документом. В то же время на сегодняшний день ни одна из технологических систем не позволяет оценивать реальный эффект государственного проектирования и его фактическое воздействие на социально-экономическое развитие. ФП «Цифровое государственное управление» также не дает оснований полагать, что ситуация изменится. В частности, проектируется разработка, внедрение и последующее сопровождение разного рода цифровых ресурсов для поддержки отдельных направлений государственно-управленческой деятельности, но при этом соответствующие технологические решения являются сферой ответственности различных органов исполнительной власти, соответственно, высок риск отсутствия эффективного межведомственного взаимодействия по таким решениям. Кроме того, не вполне понятна приоритетность тех или иных информационных систем и платформ, исключая участие в ФП информационных систем, активно используемых в рамках процедур государственного управления бюджетом, администрирования государственных доходов, соответственно, не вполне очевидна целесообразность «размывания» государственно-управленческих функций по различным программным документам. Кроме того, представляется искусственным ограничение по количеству показателей, являющихся индикаторами реализации программного документа [73], поскольку вопрос не в количестве индикаторов, а в их релевантности. Как представляется, показателей не может быть много или мало; их должно быть достаточно.

Одним из направлений цифровизации системы государственного управления и его модернизации является создание Национальной системы управления данными (НСУД) [74]. При этом система ориентирована на государственные данные, исключая муниципальный уровень их оборота. В то же время проектное законодательство говорит также и о муниципальных данных [75]. Тогда как Концепция муниципальные данные относит к категории государственных, что противоречит идее «вертикального» разделения властей. Кроме того, Концепция видит органы местного самоуправления в системе органов и организаций государственного сектора, что весьма спорно; и при этом исключает из общей конструкции организации муниципального сектора.

С позиции Концепции, организационная структура управления процессом создания и обеспечения функционирования НСУД должна включать три уровня управления

государственными данными: уровень стратегического управления, федеральный и региональный уровни. Во-первых, стратегическое управление не является публично-территориальным организационным уровнем и может быть реализовано на любом уровне организации власти; кроме того, понятие стратегического государственного управления на текущий момент не легализовано. Во-вторых, не совсем понятно, почему исключен муниципальный уровень, если Концепция муниципальные данные рассматривает в качестве государственных.

С точки зрения юридической техники, а равно логики формирования дефиниции того или иного термина несколько некорректным выглядит само понятие национальной системы управления данными как системы взаимосвязанных элементов, поскольку система сама по себе является взаимосвязью элементов. Во-вторых, вряд ли, по этим же соображениям, можно считать допустимой для нормативного акта формулировку «информационно-технологического, организационного, методологического, кадрового и нормативно-правового характера».

Также можно обратить внимание на понятие единых требований к управлению данными как совокупности обязательных и (или) рекомендательных правил. Как представляется, здесь имеет место некоторое противоречие: если требования транслируются как единые, то вряд ли они могут быть рекомендательными. Кроме того, фактор рекомендательности может повлиять на непротиворечивость данных как один из принципов НСУД.

Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными оперирует достаточно обширным терминологическим аппаратом, который требует нормативной интерпретации: сущности, форматы, инструменты эффективного информационно-технологического обеспечения (при сложности самой категории эффективности), онтологическое единство государственных данных, консистентность, экосистема и проч. В рамках доктринальных исследований эта терминология имеет развитие, но этого не достаточно для включения соответствующих терминов в официальные документы, тем более, нормативного характера.

Концепция в целом активно использует терминологию, обусловленную инновационным развитием: «информационный продукт», «верификация данных», «управление документами и содержимым», «управление предиктивной, предписывающей аналитикой, машинным обучением». Функциональная архитектура НСУД включает инновационные функции: управления разрешениями (доступом), управления жизненным циклом данных и интеграции данных. Кроме того, в Концепции определены риски

реализации НСУД: информационно-техническое обеспечение не заработает без учета встраиваемости ИТ-инфраструктуры НСУД в инфраструктуру электронного правительства. Такого рода подходы в целом имеют свое обоснование, но они должны коррелировать нормативно-правовому сопровождению, которое в полноценном виде не состоится, поскольку на сегодняшний день отсутствует единство правового поля организации и работы с данными НСУД, не сформирована правовая идентификация юридической значимости записей в федеральных реестрах, в целом не учтена уже состоявшиеся нормативно-правовые реалии (включая концепцию методологии систематизации и кодирования информации, утвержденную Распоряжением Правительства РФ от 10.05.2014 № 793-р и правила создания, изменения, ведения и применения отдельных информационных ресурсов, утвержденные постановлением Правительства РФ от 07.07.2019 № 733) [76].

В действующем законодательстве отсутствует определяемая логическая конструкция электронного документа в части соотношения документа в электронном виде, документа в электронной форме, электронной подписи, что приводит к смешению в официальных документах понятия форма, вид, формат, данные.

В рамках цифровой экономики следует разработать нормативную конструкцию цифрового документа, а равно однозначно определить соотношение электронного и цифрового документа. Цифровой документ является высокотехнологичным документом, продуцентом которого может являться определенный субъект, инструмент (программа), объект (цифровой документ, датчик интернета вещей). При этом он активен и может продуцировать действительные действия робота и/или существующие действия, выраженные в виде операций (транзакций) в цифровой среде, а также в виде иных цифровых документов. Цифровые документы необходимо рассматривать как информационные продукты, которые нести сведения и/или сообщения. Также необходимо отметить единство правовой категории информационного продукта и категории интеллектуального продукта, включая категорию объектов интеллектуальной собственности, что с юридической точки зрения позволит научно обоснованно сформулировать правовую категорию единой технологии, характеризующую основные свойства высокотехнологичных систем, а также корректно определить объем прав обладателей информационных прав и правообладателей.

Активные процессы реформирования государственного управления, которые происходят в настоящее время, должны быть сориентированы на единственно верный концепт обеспечения комфортной среды жизнедеятельности граждан, включая

хозяйственную деятельность, минимизирующей человеческий фактор в государственном управлении. В противном случае результатом будет реформирование государственного управления ради реформирования, а модернизация процессов управления сведется исключительно к их «оцифровке». Более того, для структур публичного аппарата безусловная потребность в цифровой трансформации не столь очевидна, как для частных лиц, поскольку отсутствует конкурентная борьба за потребителя, транзакционные издержки не оказывают влияния на их конкурентные преимущества. В то же время адаптация системы государственного управления к современным цифровым технологиям позволит сократить расходы на функционирование государственного аппарата, повысить уровень доверия граждан к аппарату управления и поддержки принимаемых ими политик, обеспечить реализацию ценностного подхода к государственному управлению, принципов бережливого управления, гибкого управления и Agile-подходов.

## **2.2 Правовое обеспечение применения цифровых технологий в государственном управлении**

Глобализация рынков товаров, капиталов, трудовых ресурсов обуславливает возрастание их мобильности, минимизацию издержек, тенденцию сокращения ограничений движения соответствующих потоков с контентным переформатированием дизайна институциональных структур, форм защиты прав на интеллектуальную собственность в условиях их протекционизма корпорациями, трансформацию традиционного капитала в IT-капитал и цифровой капитал, роль которого как фактора темпа социально-экономического роста в среднесрочной перспективе будет неуклонно возрастать [77]. Соответственно, современные условия актуализируют проблематику правового обеспечения применения цифровых технологий в государственном управлении, способного обеспечить эффективную управленческую парадигму и учет ценностно-ориентированного подхода к организации жизни общества. Российская цифровая повестка задана Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [78]. В связи с этим следует отметить значительный интерес специалистов к вопросам развития правового регулирования информационной составляющей государственного управления [79, 80, 81, 82, 83, 84].

На сегодняшний день применение цифровых технологий в государственном управлении в целом получило правовое опосредование как в части информационного

сопровождения функционирования органов государственного управления, так и в части производимой ими информации, включая ее систематизацию и защиту. В этой связи следует отметить программно-ценностный уровень правовой регламентации [85, 86, 87, 88, 89, 90, 91], а равно текущую правовую регламентацию [92, 93, 94, 95, 96]. При этом реализация национальных интересов в области цифровизации предполагает соответствие динамики развития законодательства, как в части праворегулирования, так и в части правоохраны.

Программно-ценностная регламентация формируется, главным образом, в рамках стратегий, доктрин и концепций, конструирующих систему официальных взглядов и установок на вопросы развития информационного общества, информационной безопасности, оборота информации, организации функционирования и сбережения информационных ресурсов, межведомственного информационно-телекоммуникационного взаимодействия и проч. Текущая правовая регламентация формируется в рамках текущего законодательства, основу которого составляют федеральные законы информационно-правового содержания. Регуляторная парадигма цифровизации задана Национальным проектом «Цифровая экономика» в целом, в рамках которого сформулирован Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», направленный на создание гибкой системы правового регулирования цифровой экономики в части формирования электронного документооборота, внедрения инноваций на финансовых рынках, использования цифровых технологий в судопроизводстве и нотариальной практике.

Весь этот постоянно наращиваемый нормативный массив нуждается в спецификации с точки зрения динамики развития на основе стратегического планирования и прогнозирования рисков, включая определение новых вызовов и угроз в области цифровых технологий и информационных объектов. В то же время на сегодняшний день законодатель не сформулировал требования к содержанию стратегического планирования в части целеполагания, что обуславливает потенциальную подвижность стратегических планов, нивелирует их стратегический характер, наполняя их тактическим содержанием.

Формирование государственной политики в области цифрового сопровождения организации и деятельности органов публичного управления и жизни общества основано, главным образом, на проектной методологии, которая нацелена на формирование специфической государственной информации, удовлетворяющей значимым для нее критериям.

В то же время имеющийся на сегодняшний день государственный информационный ресурс фактически не обеспечивает необходимую идентификацию

реальной социально-экономической ситуации, что сказывается на эффективности принимаемых государственных решений. В связи с этим следует говорить, прежде всего, о проблемах качества государственного статистического учета [97], которые обусловлены, в том числе качеством правового регулирования [98].

Работа по унификации государственного информационного ресурса проводится уже достаточно продолжительное время. Тем не менее, ряд правовых вопросов режимов доступа к государственному информационному ресурсу, дифференциации ответственности, соотношения горизонтальной и вертикальной информационной интеграции остаются открытыми. Пробелы в текущем правовом регулировании имеют место в части опосредования конструкции цифровой экономики, безопасности критической информационной инфраструктуры, идентификации прав человека в информационной сфере, информационно-правового обеспечения электронного взаимодействия, развития государственных информационных систем, формирования системы информационной безопасности, электронного правосудия, облачных и туманных технологий и проч. [99, 100, 101, 102].

При этом уже следует говорить о новой модели «цифрового правительства», в рамках которой органы публичной власти и управления являются акторами цифровой инфраструктуры наряду с гражданами и организациями, образуя в совокупности сетевой контент государственного управления. Кроме того, «цифровое правительство» формируется в целях создания общественного продукта, а не только в целях исключительно организационно-управленческих. В этой связи «цифровое правительство» обеспечивает управление рисками цифровой безопасности, продвижение цифровых инноваций, формирование соответствующей нормативно-регулятивной системы.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержит понятие и признаки электронного документа. Применительно к сведениям о транзакциях, содержащимся в блоках базы данных блокчейна, основной вопрос заключается в наличии признака документированной информации. В частности, процессуальное законодательство на сегодняшний день рассматривает электронные документы в статусе допустимых письменных доказательств, при условии возможности установить достоверность документа [103]. Однако установление достоверности сведений, содержащихся в блокчейне, достаточно проблематично. Проблемой является также форма предоставления соответствующих сведений, поскольку уяснение содержания информации, содержащейся в блокчейне, требует специальных технических познаний, что увеличивает объем издержек.

Использование технологии блокчейна также вызывает определенные проблемы обеспечения режима информации ограниченного доступа, в том числе, информации о персональных данных. В отечественной судебной практике к персональным данным относят, помимо прочего, деперсонализированный идентификатор абонента, в том числе в случаях, если он формировался с использованием хэш-функции [104]. Соответственно, не исключена возможность квалификации сведений, содержащихся в блокчейне, как персональных данных с вытекающими из этого факта обязанностями оператора персональных данных.

Специфической задачей в сфере государственного управления является формирование правового контента киберфизических систем [105, 106, 107], что предполагает, прежде всего, глубокое доктринальное осмысление данного явления. Но уже на сегодняшний день очевиден ряд проблем его правового опосредования. Прежде всего, проблема разработки понятийного аппарата. В частности, нет определенности даже в части понятия киберфизических систем. Отправной точкой может здесь служить ГОСТ Р ИСО 8373-2014 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения». Отдельной проблемой является уровень доктринальных разработок, предлагающих достоверную оценку уровня и масштаба развития соответствующих общественных отношений. Есть риск существенного «правового опоздания» и, как следствие, неизбежного резкого проникновения отдельных киберфизических систем в национальные и наднациональные юрисдикции без определенного нормотворческого и правоприменительного инструментария реагирования. Можно также констатировать проблемы, которые, вероятно, возникнут в сфере правоохраны. Вопрос конструкции государственного принуждения, включая вопросы ответственности и распределения ее бремени, пока остается не ясным. Основная принципиальная сложность правового опосредования киберфизических систем, тем не менее, детерминирована определением базового регуляторного подхода. [108, 109, 110].

Как отмечает А.А. Тедеев, кумулятивное воздействие цифровых технологий на развитие правовой системы ранее имело место в части расширения круга общественных отношений, развивающихся с учетом информационной составляющей, а равно в части возникновения новых общественных отношений, которые ранее не являлись объектами правового регулирования, в том числе отношения в киберпространстве [111]. Информационный прогресс придал новый импульс формированию качественно иной архитектуры правовой системы с учетом вновь формирующейся модели реализации

общепризнанных прав и свобод в информационной среде, что влечет трансформацию правовых отношений широкого круга отраслевой принадлежности.

Одним из направлений развития правовой системы в условиях цифровизации рассматривается кодификация соответствующих правовых норм, о необходимости которой заявляют многие специалисты [112]. Высказываются идеи о создании Информационного кодекса, Цифрового кодекса, Информационно-коммуникационного кодекса [113, 114]. С другой стороны, создание кодекса не является исключительно верным и единственным решением вопроса, поскольку, как минимум, не исключает тактической редактур нормативного массива и формирования активного бланкетного регулирования сопутствующими нормативными актами, количество которых на сегодняшний день предсказать невозможно в силу специфики области правового регулирования, а кодифицированный акт не в состоянии соединить в одном тексте весь объем нормативной информации. Возможно, имеет смысл говорить о новой в концептуальном отношении редакции уже существующего Закона об информации, информационных технологиях и защите информации с активными бланкетными включениями, обеспечивающими выход на отдельную регламентацию технологий, сервисов и проч.

С другой стороны, цифровая экономика не вполне укладывается в традиционную архитектуру правовой системы [115], основанную на установленных или санкционированных государством источниках, организованную и функционирующую локально в границах национальных суверенных территориальных образований. Имеет место вектор формирования новых «гибридных нормативных режимов» или «гибридных правовых пространств» и проблему «управления гибридностью», обусловленную ее мобильностью, гибкостью и адаптивностью [116]. В условиях, когда современное общество впадает в колоссальную зависимость от цифровых ресурсов и технологий для связи, хранения, распространения и получения информации, пробелы в правовом регулировании множатся, так как право не способно быстро продуцировать надлежащий нормативный материал [117]. Соответственно, на современном этапе, возможно, большее значение имеет не создание национального кодифицированного акта, опосредующего цифровые технологии и сопутствующие явления и отношения, а поиск и построение универсальной наднациональной регуляторной модели киберпространства.

Таким образом, эффективность применения цифровых технологий в государственном управлении должна измеряться их соответствием целеполаганию основной деятельности, учитывая усложнение процессов жизнедеятельности общества, ускорение мировых социально-экономических процессов, постоянные изменения в

системе рисков и угроз. Решение этой задачи требует формирование качественного правового обеспечения применения информационных технологий в государственном управлении, гибкого и адаптивного к непрерывному технологическому развитию и расширению границ и возможностей киберпространства.

## **2.3 Правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в систему судопроизводства**

Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [118] поставлены цели и задачи, которые демонстрируют приоритетность отдельных направлений российской правовой политики. Важно в этом направлении отметить, что цифровые технологии активно внедряются и в электронный документооборот в судебной системе. Внедрение современных технологий в судопроизводственных процессов обозначено в Концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» [119], которая направлена на оптимизацию правосудия, обеспечение доступа граждан к правосудию. [120]

Основной целью направления, касающегося нормативного регулирования цифровизации судопроизводства, признано формирование новой регуляторной среды, которая обеспечит благоприятный правовой режим для возникновения и развития цифровых универсальных прав человека и гражданина применительно к потребностям, основанным на информации о деятельности судов, организации, правил и процедур рассмотрения дел в судебных органах.

Нормативно-правовая база развития цифровых технологий в системе судопроизводства формируется совокупностью ряда документов. Так, принятый в 2008 году Федеральный закон [121] включает нормы, обеспечивающие доступ к информации о деятельности судов. Законодательная регламентация этих отношений позволяет участникам судопроизводственных процессов самостоятельно получать информацию по делу через сеть Интернет.

В свою очередь системное развитие цифровизации судопроизводства обусловлено принятием ряда законов, посвященных развитию электронных технологий в судебной системе, принятием нормативных правовых актов в данной сфере судебными органами высших инстанций [122, 123, 124], а также регламентами судов и (или) иными актами,

регулирующими вопросы внутренней деятельности судов (ст. 3 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»).

Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации [125] была учтена законодателем и Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [126] в процессуальные кодексы внесены изменения, касающиеся, в том числе, вопросов получения информации о продвижении дела через сеть Интернет.

Так, современные электронные средства и технологии судопроизводства (СМС-информирование, видеоконференц-связи, видеопотоколирование, электронная подача документов) регламентированы процессуальными законами. Процессуальные кодексы базируют процесс обмена электронными процессуальными документами. В механизм судопроизводственного процесса включены полномочия участвующих лиц по представлению в электронном виде документов, получению электронных судебных актов. Стороны вправе представлять в суд доказательства, которые они получили из сети Интернет, а также направлять другим участвующим в деле лицам копии документов «посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет». Принципиальное значение имеет процессуальное закрепление принципа независимости судей, заключающегося в обязательном предании гласности и доведении до сведения участников путем размещения на официальном сайте суда в сети Интернет о поступивших внепроцессуальных обращениях, и непринятии по ним безосновательного процессуального решения либо проведения каких-либо процессуальных действий.

Процессуальное право устанавливает право суда изготавливать решения форме электронного документа. И это по выражению правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации является приоритетным в современных реалиях и позволяет избежать неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов органов судебной власти государства в ходе рассмотрения дела [127].

Важной перспективой развития судопроизводства путем установления электронного взаимодействия сторон следует считать законодательное закрепление возможности подать не только исковое заявление в электронном виде, но и иные документы. Однако, не умаляя достоинств электронного взаимодействия отметим, что для истца такая возможность установлена лишь на первом этапе судебного процесса при направлении копии искового заявления и приложенных к нему документов, тогда как процесс обмена иными процессуальными документами осуществляется судом с

использованием цифровых технологий при наличии технической возможности у сторон, что позволяет сделать возможным «устанавливать реальную ответственность за нераскрытие доказательств противоположной стороне» [128].

Очевидно, что в целях совершенствования процессуальной активности, соответствующей интересам участников судебного процесса, желающих своевременно получать информацию о движении дела посредством использования информационных технологий, переход к самостоятельному получению информации о деле оправдан [129]. Вместе с тем, на наш взгляд, наблюдаемые тенденции дигитализации документооборота в судопроизводстве должны учитывать объективный фактор развития общества. Действующее процессуальное законодательство позволяет участникам представлять в суд документы на бумажном носителе, однако в случае дальнейшего продвижения дела в электронном виде права и законные интересы таких участников могут быть нарушены ввиду отсутствия возможности их реализовать в цифровом (информационном) пространстве.

Принцип равенства сторон в судопроизводстве позволяет утверждать, что такие участники также вправе использовать преимущества электронного правосудия. В полной мере этому могут способствовать профессиональные представители гражданина или организации. В этой связи существует идея о придании «профессиональному представительству обязательного характера в случаях использования цифровых технологий и электронных документов» [130].

Электронный документ в правовой литературе интерпретируется как «совокупность символов, сформированная и (или) используемая с применением технических и программных средств, соответствующая установленным требованиям, предъявляемым к документам данного вида, если такие требования существуют» [131]. Масштабное использование электронных документов в судопроизводстве способствует признанию их в качестве письменных и вещественных доказательств. О правовой природе электронных документов в юридической литературе давно ведутся споры. [132, 133, 134]

При этом важно само наличие и возможность применения в конкретном суде информационно-компьютерных технологий. При наличии трех коррелирующих элементов (электронных документов, информационной деятельности с электронными документами и информационных технологий) можно говорить о системе, обеспечивающей сопровождение судопроизводственных процессов, называемой «электронным документооборотом». Тем не менее электронный документооборот в определенной степени сделал работу сотрудника аппарата суда сложнее.

Проблемой функционирования судебного документооборота можно назвать дублирование значительного количества судебных документов, составляемых как в электронном виде, так и на бумажном носителе, что приводит к выполнению двойной работы сотрудниками аппарата суда. Представляется, что закономерным итогом внедрения электронного документооборота должен стать полный отказ от бумажного документооборота. В свою очередь полный переход на электронное судопроизводство не может быть произведен пока не будут созданы гарантии доступности такой модели для каждого участника процесса. В тоже время параллельно должны развиваться защита и безопасность электронного документооборота.

Можно также отметить некоторые проблемы функционирования электронного документооборота (сайты судов, СМС-информирование, ГАС «Правосудие» и др.). В настоящее время электронные сервисы не всех судов обеспечены возможностями подачи документов в суд в электронном виде. Встречаются случаи, когда при обращении в суд в электронном виде в порядке гражданского или административного судопроизводства не всегда работниками суда в ГАС «Правосудие» прикрепляются документы по принятому заявлению. С другой стороны, не существует возможности изменения или дополнения заявления, поданного по ГАС «Правосудие», тогда как законом предусмотрена такая возможность в случае оставления заявления без движения. При электронном обращении заявитель должен оформлять новый документ. В российское судопроизводство по опыту Казахстана предлагается внедрить «гибридную почту», под которой признаются бумажные почтовые отправления для получателя. [135]. Также ставится вопрос о создании универсальных способов идентификации пользователей в отечественном правовом порядке [136].

В качестве первоочередной задачи обозначено создание условий для единой информационной среды судов с информационными системами государственных правоохранительных органов [137]. Не секрет, что эти органы характеризуются высоким уровнем оснащенности компьютерной техникой, необходимой для оперативной связи и передачи информации, и наличием в штате соответствующих специалистов. В этой связи заслуживает внимания предложение Д.Я. Малешина, М.А. Филатовой, В.В. Яркова обязать государственные правоохранительные органы «применять электронную форму при обращении в суд за защитой государственных и общественных интересов» [138].

Не менее важным для развития информационных судопроизводственных технологий является создание единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей [139].

Развитие цифровых технологий является объективно необходимым условием для успешного решения задач, поставленных перед судебными органами. В этой связи актуальными для судопроизводственной среды являются задачи доступности информационных средств для населения и постоянного обучения действующих сотрудников, работающих в системе электронного документооборота, с учетом нововведений и совершенствования нормативной базы.

## **3 Правовые основы реализации прав и свобод личности в условиях цифровой экономики**

### **3.1 Правовое обеспечение формирования единой цифровой среды доверия**

Как отмечают исследователи, характерной спецификой постиндустриальной стадии развития человечества, при которой основой определения социальной структуры становится информация, в частности, доступ к ней, является информационным обществом [140]. Развитие информационного общества существенным образом повлияло на социализацию людей. По мере того, как распространяются цифровые технологии в социуме, они становились все более доступными большей части населения развитых стран [141]. Эта ситуация кардинальным образом меняет всю конструкцию безопасности жизнедеятельности общества. [142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153]

Существенное изменение среды обитания вызывает к жизни новые реалии, в числе которых «экосистема цифровой экономики», одним из аспектов которой является единая цифровая среда доверия.

Россия входит в пятерку стран мира по числу пользователей смартфонов, а безлимитный интернет в стране в разы дешевле, чем в целом ряде развитых государств. Россия, как и другие страны, ищет пути адаптации к новой экономической реальности. В условиях того, что практически каждый дом может быть оборудован «интернетом вещей», а вся активность пользователей в глобальной сети оставляет и будет оставлять после себя цифровой след, вопросы конфиденциальности, защиты информации как для гражданина, так и для всего государства приобретают приоритетное значение.

Российская Федерация как часть современного мира входит в цифровую эпоху, когда ортодоксальные методы управления экономикой и социальной сферой заменяются сверхсовременными, уникальными компьютерными информационными разработками технологиями. Во всем мировом пространстве, в том числе и в России, наступает эра высоких технологий и коммуникаций, «цифровая эра», «digital эра», которая открывает неиссякаемые возможности для использования инновационного прорыва, использования потенциала и формирования новых направлений стратегического развития человека, общества и государств.

Анализ данных прогнозов аналитиков компании стратегического консалтинга McKinsey показывает, что к 2025 году цифровизация и цифровая трансформация

экономики России позволит значительно увеличить показатели валового внутреннего продукта страны на 4,1–8,9 триллионов рублей. Консалтинговая компания McKinsey отмечает, что на сегодняшний день доля цифровой экономики составляет в экономике России 3,9%, что примерно в два-три раза ниже, чем у главных лидеров в этой сфере – США, Израиля и Сингапура.

Приближаясь к рубежу 2025 году цифровая экономика нашего государства может составить уже 8–10% национального валового внутреннего продукта, подсчитали аналитики. В том случае, если запланированные шаги по инвестированию более ста миллиардов рублей в национальную программу «Цифровая экономика» будут грамотно реализованы, уже в ближайшие годы будет наблюдаться устойчивый рост.

В Великобритании доля ИКТ в ВВП страны – свыше 12%, в России в настоящее время 3%. По прогнозам американской консалтинговой компании BCG, к 2035 г. объем цифровой экономики в мире достигнет \$16 трлн. [154].

К 2024 году в Российской Федерации планируется активизировать комплексную цифровую трансформацию экономики, а также социальной сферы. С этой целью обостряется необходимость разработки нормативно-правовых актов о цифровых технологиях, модернизации цифровой инфраструктуры, внедрения цифровых технологий во все ключевые сферы экономики и государственного управления, а также обостряется необходимость подготовки кадров для переходного периода.

Среди ключевых направлений работы в части нормативного регулирования цифровой среды также – создание цифровой среды доверия. Частью этого направления деятельности станет создание электронного цифрового профиля гражданина, корректировка режима электронной цифровой подписи, создание электронных архивов и электронных трудовых книжек.

Для достижения цели плодотворного развития и трансформации цифровой экономики необходима разработка нормативной базы, соответствующей современным реалиям развития информационных технологий, создание условий и платформ для развития информационной инфраструктуры, соответствующей среды для изучения проблем и разработки инновационных информационных технологий.

По мере того, как будет происходить цифровизация глобальной экономики возрастет воздействие транснациональных корпораций на национальных рынках. Поэтому предлагается уделить внимание электронной коммерции, которая включает в себя создание российской платформы электронной торговли, логистической инфраструктуры Интернет-

торговли, обеспечение сертификации и лицензирования ввозимых товаров и услуг, обеспечение трансграничных платежей, в том числе с использованием НСПК.

В условиях создания зон свободной торговли в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС государственное регулирование цифровой торговли становится одним из важнейших направлений с точки зрения обеспечения защиты потребителей, соблюдения прав на интеллектуальную собственность, прозрачности и безопасности трансграничной Интернет-торговли, устранение цифрового неравенства предполагает повсеместный доступ к WI-FI и покрытие мобильными сетями связи пятого поколения.

На современном этапе Россия имеет определённые достижения в области применения комплексных информационно-технологических (ИТ) процессов, но существующая нормативная среда не учитывает ключевых свойств цифровой экономики. Анализ состояния правового обеспечения цифровой экономики показал, что отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы является одной из проблем её развития. Это положение отмечено в выводах участников IV Восточного экономического форума, состоявшегося 11-13 сентября 2018 г., где цифровая экономика стала одной из ключевых тем обсуждения. В этой связи требуется разработка концепции ускоренного решения задач по нормативному регулированию цифровой экономики [69].

Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства в целом. Рациональное и разумное применение информационных технологий является фактором ускорения экономического роста государства и фактором ускоренного развития информационного общества нашей страны.

### **3.2 Правовое регулирование сбора, хранения и обработки данных, с использованием новых технологий**

В условиях прорывной реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим «цифровизацию» экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает кардинальную трансформацию своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся изменений [156].

Ускоряющийся процесс развития информационных технологий приводит к цифровой модернизации интеграционных процессов, как к количественным изменениям в

связи с увеличением объема использования цифровых технологий в жизни человека, так и к качественным в связи с увеличением влияния этих технологий на процессы жизнедеятельности, а также к изменению общественного мировоззрения, определяющего место цифровых технологий в современной жизни [157].

С использованием информации появляются новые правовые отношения в регулировании деятельности операторов цифровых платформ, электронных транзитных транспортных коридоров, цифрового развития систем связи для обеспечения запросов экономики, вопросов сбора и передачи данных государства, бизнеса и граждан и в общем информационных отношений. В связи с этим основным объектом этих правоотношений является информация и цифровое развитие. [158]

На сегодняшний день потоки социально-правовой информации, которые обрушиваются на юристов, требуют от них владения современными информационными технологиями, различными справочными правовыми системами, юридическими экспертными системами, современными программами и техническими средствами защиты информации, электронной цифровой подписью, информационными технологиями, лежащими в основе функционирования современных компьютерных сетей и глобальной сети Интернет [159-176].

Существуют несколько концептуальных подходов к регулированию в части установления порядка и правил доступа к общедоступным данным. Первая концепция – обработка данных на основе принципа «двух ключей». Согласно ей, право распоряжения фактически делегируется площадке. Среди преимуществ этого подхода – упорядочивание правил сбора и обработки данных, обеспечение защиты интересов субъекта данных через управление данными посредством площадки (единая точка ответственности), стимулирование рынка данных и защита финансовых и экономических интересов площадок, прозрачная база для взаимодействия со стартапами. Ее главными недостатками являются сохранение неопределенности в отношении обработки общедоступных данных в российской юрисдикции, а также возможности для площадки отдельных разработчиков поощрять, а других дискриминировать. Вторая концепция заключается, в том, чтобы общедоступные данные признать таковыми, но с ограничениями на использование. Согласно ей, пользователи должны данные скрывать. Главный минус такого подхода в том, что требуется другое качество работы с пользователями. Еще одна концепция является компромиссной. Согласно ей, регулирование не требуется или требуются его альтернативные варианты. Однако она не снимает барьеры по использованию

общедоступных данных, выложенных в интернете, и приводит к тому, что пользователю нужно думать о том, кому он дал согласие на обработку данных.

В вопросах нормативного регулирования необходимо ориентироваться на то, как к конфиденциальной информации относится ее владелец. Если он принимает попытки по защите этой информации, то она представляет для него ценность и ее необходимо защищать. В противном случае, против воли владельца защищать информацию возможно не нужно.

В мировой практике накоплен опыт регулирования оборота данных в рамках технологии Больших данных. В частности, в США не сформирован единый централизованный подход к регулированию защиты персональных данных и, тем более, Больших данных. При этом нормативное закрепление термина «Большие данные» на федеральном уровне не существует. Также нет специального нормотворческого или контролирующего органа в сфере персональных данных и Больших данных. Отдельные функции выполняет Федеральная торговая комиссия (FTC, ФТС), антимонопольный орган, уполномоченный на борьбу с недобросовестной конкуренцией.

Отсутствие комплексного подхода к регулированию как Больших данных, так и персональных данных объясняется следующими факторами. Во-первых, данные рассматриваются в качестве составной части права каждого человека на неприкосновенность его частной жизни. Во-вторых, для крупных американских компаний-операторов данных существование открытого Интернета, не ограниченного жестким регулированием, является одним из главных аспектов их дальнейшего развития. Активная лоббистская деятельность данных компаний направлена на то, чтобы жесткие регламенты по Большим данным не были приняты. В-третьих, деятельность ФТС по стимулированию компаний к выработке правил конфиденциальности укрепила веру законодателя в возможность саморегулирования. Как отмечают многие авторы, американская модель охраны данных расценивает конфиденциальность как товар, рассчитывая на то, что потребитель остается бдительным в вопросах передачи данных. Таким образом, федеральное законодательство США стоит на принципах широкой диспозитивности.

С 25 мая 2018 г. на территории всего Европейского союза действует Общеввропейский регламент по защите персональных данных или General Data Protection Regulation (далее – GDPR, Регламент). На уровне правотворчества государства - члены Евросоюза обязаны гармонизировать с Регламентом GDPR свое национальное право посредством принятия, изменения, дополнения своего национального права.

Законодатель не стал выделять Большие данные в отдельную категорию, но, по сравнению с ранее действующей Директивой о защите данных 1995 г., значительно расширил понятие персональных данных. В соответствии с п. 1 ст. 4, персональные данные — это любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу (субъект данных), по которой прямо или косвенно можно его определить. Представляется, что данное определение, обладая широтой, может включать даже IP-адреса, которые также могут считаться персональными данными.

Однако в Политике Европейской комиссии, посвященной Большим данным, закреплено их определение в качестве «больших массивов информации, источником которой являются различные каналы с высокой скоростью передачи. При этом данные могут быть как созданы людьми, так и сгенерированы компьютерами».

Важно отметить, что GDPR согласован с положениями целого ряда международно-правовых актов, в том числе: Конвенции Совета Европы от 28 января 1981 г. о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и Дополнительного протокола к Конвенции; Хартии Европейского Евросоюза об основных правах; Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это подчеркивает тот аспект, что Регламент рассматривает данные именно с точки зрения прав и свобод гражданина, а не как цифровой актив.

Подход Европейского союза весьма последователен: регулирование распространяется как на первичный сбор данных, так и на их обработку, обезличивание, использование и уничтожение. GDPR, в первую очередь, рассматривает Большие данные как персональные данные в их широком понимании. Это влечет создание льготного режима для обработки обезличенных данных, усиленной защиты пользователей, а также наложение огромных штрафов на компании за неправомерное использование и другие нарушения.

В отличие от американской модели, GDPR предусматривает создание Европейского совета по защите данных (European Data Protection Board). В соответствии со ст. 68 GDPR, в состав совета входит Европейский инспектор по защите персональных данных, а также главы надзорных органов каждого государства-члена ЕС. Таким образом обеспечивается централизованный контроль за применением Регламента, а также - единообразие политики.

Компании, даже не находящиеся на территории Евросоюза, обязаны в полном объеме соблюдать требования GDPR, а также назначать уполномоченного ответственного

представителя на территории Европейского союза, который будет отвечать на все запросы контролирующих органов.

Таким образом, введение в силу GDPR значительно усилило контроль, как общественный, так и институциональный, над сбором и обработкой данных. Несмотря на то, что Регламент не оперирует понятием «Большие данные», его положения, в силу широкого толкования термина «персональные данные», фактически применимы и к обработке. Экстерриториальное применение норм GDPR задало вектор законотворчества и для других мировых правовых порядков.

На современном этапе в регулировании отношений в сфере Больших данных системообразующими актами являются Федеральный закон «О защите персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Большие данные стоят на первом месте в качестве «сквозных технологий» в Программе «Цифровая экономика». Большие данные также упоминаются в Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 гг.

ФЗ о персональных данных вводит это понятие как любой информации, относящейся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу-субъекту персональных данных. Однако принятые 6 июля 2016 г. Федеральный закон № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», а также Федеральный закон № 375-ФЗ обязывают операторов связи и организаторов распространения информации хранить не только персональные данные, но и метаданные, передаваемые пользователями. Таким образом, положения упомянутого федерального закона в большой мере распространяется на Большие данные, в то время как ФЗ о персональных данных – лишь отчасти.

Анализируя вышеупомянутые законы, можно выделить следующую проблематику российского законодательного регулирования правомерного использования Больших данных.

Двойное регулирование с нормами GDPR. Помимо приведенных законов на российских операторов данных распространяет свое действие Регламент GDPR – как на компании, обрабатывающие персональные данные находящихся в Евросоюзе субъектов данных. То есть, говорить о гармонизации российского законодательства и Регламента GDPR нельзя, так как в практическом плане для российских компаний это означает

«двойное обременение». Более того, многие нормы российского законодательства, как видно из приведенной таблицы, входят в расхождение с нормами Регламента. Так, соблюдение российскими компаниями требований Пакета Яровой может привести к нарушению ими законодательных норм, действующих в другом иностранном государстве, в частности – регламентированных GDPR требований о конфиденциальности.

Говоря о законодательных противоречиях, стоит посмотреть на проблему и с другой стороны: иностранные компании-операторы данных, вынужденные выполнять императивные требования «пакета Яровой», также начали значительно сокращать свое присутствие на российском рынке услуг.

В этой связи стоит отдельно отметить Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ. В соответствии с этим законом Россия начала выстраивание беспрецедентного механизма локализации персональных данных, не имеющего аналогов в зарубежных странах.

Можно сделать вывод о различии как правового регулирования, так и морального подхода к Большим данным как к объекту регулирования. Если в Европейском союзе они рассматриваются через призму прав – права на неприкосновенность частной жизни, права на информацию и др., то в США, в первую очередь – в качестве оборотоспособного и коммерциализируемого актива. Кроме того, американскую модель можно охарактеризовать большей степенью саморегулирования, в отличие от централизованной европейской. Пока не очевидно то, как расцениваются Большие данные в России: через призму прав или в качестве актива. Но ясно, что Россия в данный момент склоняется в пользу выстраивания собственной модели работы с данными, обеспечивая полный централизованный внутренний контроль за их использованием.

Объектом работы с Большими данными являются огромные массивы информации, которые лишь частично могут быть отнесены к категории персональных данных. Даже самые широкие определения, одно из которых, к примеру, дается в GDPR, указывает на то, что персональные данные должны прямо или косвенно указывать на субъекта обработки данных. Однако немалый массив Больших данных представляет собой метаданные или статистические данные, являющиеся обезличенными и никак не указывающие на субъекта. Другими примерами могут служить мировые климатические данные, данные GPS-трекеров общественного транспорта, а также - датчиков контейнеров морских судов и так далее.

Законодательство о персональных данных всегда строго в отношении согласия субъекта данных: их можно обрабатывать лишь при его наличии. В некоторых случаях оно может быть выражено не столь явно, в некоторых – требуется совершение определенных действий для получения согласия, то есть оно должно быть ярко выраженным. Даже если не придерживаться такой радикальной точки зрения, необходимо констатировать, что субъект не может полноценно подвергать контролю оборот информации о нем в сети Интернет и, следовательно, иметь реальной возможности удалить или изменить информацию. Даже если субъект данных действительно изучит соответствующие положения политики конфиденциальности, они все равно могут изменяться, причем часто – большинство компаний включают оговорку о возможности одностороннего изменения политики. При этом даже нововведения GDPR и стремительное развитие «права на забвение» не обеспечивают пользователю Интернета должного уровня информированности и защиты своих прав.

Использование персональных данных, как правило, предполагает целевое использование этих данных. Учитывая тот факт, что Большие данные все в большей степени рассматриваются в качестве цифрового актива, законодательное закрепление их целевого, определенного сроком использования препятствуют развитию бизнеса.

Необходимо отметить, что проблемы обработки данных в России заключены не в нормах законодательства, а в совершенствовании положений, необходимых для присоединения нашей страны к модернизированной Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных Совета Европы. Для защиты граждан в цифровой среде важно повышать культуру пользователей в сети и детальнее прописать форму согласия гражданина на обработку данных.

### **3.3 Правовые условия эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики**

В настоящее время правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) в условиях цифровой экономики является достаточно разрозненным. Полагаем, это обусловлено тем, что каждое заинтересованное сообщество высказывает собственную позицию относительно эффективного использования оборота РИД в условиях цифровизации. Надо подчеркнуть, что любой РИД, инновация невозможна без наличия какой-либо информации, мыслительного процесса, творчества и новизны. В связи с чем, полагаем, что исследование зарубежного опыта развития и применения как РИД, инноваций и информации в гражданском и предпринимательском

обороте является наиболее показательным. Поскольку в настоящее время в законодательстве России наблюдается гармонизация правовых регуляторов, особенно в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [177].

Надо отметить, что одним из простых способов определения информации является «процесс, с помощью которого физические и юридические лица генерируют новые идеи и воплощают их в жизнь» [178]. Имеют место и другие позиции [179, 180].

В российском законодательстве на сегодняшний день нет единого федерального закона, регулирующего инновационную деятельность, которым определялись бы основные принципы и направление развития, а также единый понятийный аппарат в сфере инноваций. Некоторые наиболее значимые определения закреплены в Федеральном законе №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке) [181].

В последнее время в России был разработан и внедрен целый комплекс мер, направленных на формирование и укрепление национальной инновационной системы. В декабре 2011 г. Правительство РФ утвердило Стратегию инновационного развития России на период до 2020 года [182] (далее – Стратегия), предусматривающую практическую реализацию широкого спектра инструментов и механизмов стимулирования инновационной деятельности на федеральном и региональном уровнях [183]. Одной из форм реализации Стратегии стал Инновационный Центр «Сколково» [184].

Другим нормативным правовым актом, регулирующим положения о субъектах инновационной деятельности, является Федеральный закон от 29.07.2017 №216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о научных центрах) [185], который определяет необходимые аспекты деятельности юридических лиц в сфере инновационной и предпринимательской деятельности.

В целях реализации инновационной деятельности на территории Российской Федерации создаются так называемые «кластеры», специализированная деятельность которых регулируется, к сожалению, различными нормативными правовыми актами. [186, 187].

Кроме того, законодательство об отдельных территориальных зонах в Российской Федерации, регулирует правоотношения в сфере инновационной и предпринимательской деятельности. [188, 189, 190].

В современной науке гражданского права сложилась определенная точка зрения на понятие «инновация» (нововведение, новшество), под которой понимают «конечный

результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного товара, реализуемого на рынке нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической, в том числе предпринимательской, деятельности» [191]. Другая точка зрения представляет инновацию, как процесс нововведений на основе научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок нового продукта посредством трансформации идей в опытные образцы и последующего его внедрения в повседневную жизнь производителей и потребителей [192]. Имеют место и другие позиции [193, 194].

В целом, растет понимание того, что инновации не относятся только к новым продуктам, которые поступают на рынок. Инновации вполне могут исходить из различных рыночных процессов и продуктов рынка, но также и за пределами рынка, в том числе, среди конечных пользователей и также без традиционного исследования (НИОКР). На этом фоне, определение и разработка инноваций становится сложным процессом, так как рынки и формы обмена (оборота объектов РИД в предпринимательской деятельности) постоянно меняются, часто уходя из традиционной цепочки инновационной деятельности, которая зарождалась в классических университетах, крупных государственных или частных лабораториях. Сегодня для эффективной реализации РИД в предпринимательской деятельности в условиях цифровизации рынка используют разнообразные формы оборота. Чаще всего такой обмен происходит на основе. Кроме того, инновации могут разрабатываться как в самой организации, так и внешними контрагентами, через новые механизмы сотрудничества. Более того, пользователи тоже могут быть субъектами инновационной деятельности наравне с субъектами крупного и среднего бизнес-сообщества.

В последнее время для эффективной реализации инноваций субъектам предпринимательской деятельности все больше требуется доступ к так называемым массивам «больших данных», поскольку это открывает совершенно новые возможности для разработки инновационных продуктов и прогнозирования социальных потребностей [195].

Регулирование цифровых прав и цифровой экономики осуществляется, главным образом, в рамках Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [196], Постановления Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [197] и др. Полагаем, что цифровизация российской экономики связана и с

теорией национальных инновационных систем разработанных в науке на рубеже 1980-1990 гг. благодаря работам К. Фримана [198], Б.-А. Лундвалла [199], и Р. Нельсона [200], как альтернатива традиционной экономической теории и политики. В дальнейшем стали появляться такие понятия, как «экономика знаний», «информационная экономика». Основное отличие от традиционной экономической теории состоит в том, что исследуются не присущие в основном индустриальной экономике линейные зависимости, а динамические процессы, связанные с развитием инноваций и экономического роста. Такая система, по мнению К. Фримана, является системообразующим механизмом, лежащим в основе результативности инноваций.

В науке нет единого мнения относительно понятия «инноваций» в особенности в цифровой форме. Однако, есть определение «инноваций», которое предлагает нам законодатель в Законе о науке. Если провести сравнение с доктринальными позициями, представляется, что нормативное регулирование не в полной мере отражает существующую практическую реальность.

Представляется, что для более эффективной и системной реализации инноваций, РИД в цифровой форме необходимо расширить структурное определение инноваций, закрепленное в Законе о науке и определить следующее: а) инновация направлена на создание новых (или эффективное перераспределение существующих ресурсов, которые б) способствуют развитию научно-технического прогресса, в том числе и в условиях цифровой экономики. Представляется, что первый элемент имеет онтологическую (философскую) основу и может использоваться для инноваций в цифровой форме, автоматизированных инноваций, технических инноваций, промышленных проекты, НИОКР, государственные инвестиции и т.д. Второй элемент может быть рассмотрен с теологической точки зрения и рассматривается, как новый продукт, который способствует социальным аспектам на долгосрочную перспективу, не лишая общество ресурсов, которые имеют универсальное назначение.

30 сентября 2009 года Комиссия ЕС приняла сообщение «Подготовительные этапы для развития будущего: разработка общей стратегии для ключевых стимулирующих технологий в ЕС» [201]. В этом документе Комиссия ЕС дает понятие «ключевых поддерживающих технологий». Комиссия ЕС подчеркнула необходимость разработки стратегического подхода к определению содержания ключевых поддерживающих технологий, особенно с учетом того, что в некоторых странах ЕС уже реализуются такие технологии, но в процессе коммерциализации они не используются. Таким образом, для эффективной регламентации и реализации таких технологий требуется более

стратегический подход. Кроме того, эта стратегия для обеспечения конкурентоспособности ЕС должна быть достигнута путем сохранения открытости в экономике ЕС.

Таким образом, законодательство России в сфере инновационной и иной смежной с ней деятельности активно развивается и является междисциплинарным, отражающим не только сферу предпринимательской, но и банковской, финансовой, конкурентной и иных сфер правового регулирования. Тем не менее, существующие нормативные правовые акты, а также разъяснения высших судебных инстанций позволяют сформировать комплексное представление о проблемах, возникающих в правоприменительной практике в сфере инновационной деятельности и дальнейшего их разрешения.

### **3.4 Правовые условия для внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке**

Обоснованность регулирования инновационных технологий на финансовом рынке базируется на экономической категории «эффективность». В доктрине различают «эффективность распределения», «распределительную эффективность», [208], «производственную эффективность», «динамическую эффективность». Все это, в совокупности, относится к эффективному выбору технологий при формировании спроса и предложения в той или иной сфере хозяйствования. [209] Однако реализовать все типы эффективности в совокупности и в короткие сроки, достаточно затруднительно [202].

Положительное влияние рыночной экономики на инновации зависит от двух основных факторов: [203] а) ожидание той или иной формы перехода влияния ex post на рынок для юридических лиц, чтобы у тех был стимул для инвестирования в НИОКР и б) установление рыночных механизмов ex ante также способствует развитию инноваций, поскольку, когда рынки капитала несовершенны, то рынок обеспечивает свою безопасность через внутренние финансовые ресурсы для реализации инновационной деятельности [204].

Большая часть инициатив ЕС в поддержку инноваций зависит от использования финансовых инструментов, таких как кредиты и гранты, которые находятся под контролем Европейского инвестиционного банка и управлением Европейского инвестиционного фонда. Помимо финансовой поддержки для реализации инновационной деятельности, в рамках своей компетенции ЕС осуществляет поддержку конкретным видам инноваций и специфическим субъектам новаторов. [205]

Современное финансовое регулирование, в основном, ориентировано на экономику, [206] переходя от преодоления рыночных сбоев к повышению конкурентоспособности и эффективности рынков [207, 208]. Для продвижения финансовых инноваций, регулирующие органы достаточно сосредоточены на необходимости управления ими, в целом. Хотя, возможно, такие действия могут оказаться преждевременными, так как регулирующие инновации все больше расширяют границы регулирующего надзора за финансовыми инновациями. Поскольку у регуляторных инноваций есть потенциал для развития более прогрессивных норм для эффективного управления финансовыми инновациями, можно утверждать, что регуляторные органы должны управлять рисками таким образом, чтобы можно было говорить о сбалансированных регуляторных целях и разработке регуляторной политики. Регулирование в различных сферах деятельности зачастую рассматривается как контроль, который противоречит целям, направленным на продвижение рынка [209 - 211].

Регуляторные инновации в Великобритании в настоящее время направлены на процесс содействия инновациям, поскольку регуляторы пытаются побудить организации выйти из тени и участвовать в процессах регулирования на более ранних этапах. Поскольку регистрация в режиме «регулятивной песочницы» или «мобилизация» является добровольной, значительная часть финансовых инноваций может остаться за пределами регулирующего «периметра этой песочницы» и, может пройти некоторое время, прежде чем новые правовые режимы смогут охватить значительный объем таких объектов как финансовые инновации. Однако, поскольку правовые режимы «песочницы» и «мобилизации» выделяют «промежуточную» область допустимых видов деятельности они, косвенно предлагают инновационным организациям и иными организациям альтернативу стандартному режиму применения мер ответственности в отношении несоответствующих видов деятельности. [212] Складывается ситуация роста популярности этих режимов и растущее расширение регулирующего «периметра для финансовых инноваций». Поэтому можно рассматривать режимы «песочницы» и «мобилизации» как первый шаг к расширению регулирующего «периметра над финансовыми инновациями», которые имеют все возможности для дальнейшего развития этих правовых режимов в комплексные, для управления финансовыми инновациями, а не просто для их продвижения, в целях усиления конкурентных рынков.

При управлении финансовыми инновациями регулирующие органы должны делать выбор при сложных взаимосвязях между конкуренцией, инновациями и другими задачами регулирования, такими как защита прав потребителей и финансовая стабильность. Это

связано с тем, что соответствие между целями, стоящими на пути содействия конкуренции или инновациям и другими защитными целями регулирования нельзя строить предположения [213]. Соотношение баланса и компромиссов между целями и приоритетами нормативного регулирования – это вопрос стратегии регулирования и поэтому финансовые инновации играют немаловажную роль.

Если рассматривать «нормативную песочницу», то ее применение имеет место в различных ведущих финансовых юрисдикциях (Гонконг, Сингапур, Австралия, Канада и Япония). Однако, следует к таким нововведениям отнестись критически, поскольку в этой расширенной реляционной парадигме существуют регуляторные риски между инновационными предприятиями и регулирующим органом, которые могут повлиять на их способность надежно управлять финансовыми инновациями. Стратегия регулирования относится к «балансирующей», поскольку необходима для многочисленных целей регулирующих органов, которые носят как рыночный, так и защитный характер. Кроме того, регулирующие органы должны признать, что содействие инновациям являться лишь косвенным показателем и не идентично выстраиваемой конкуренции и, должно учитывать различные согласительные процедуры.

В настоящее время все больше международных организаций проводят различные исследования в области поиска подходов к регулированию финансовых технологий без негативного влияния на инновации. Как правило, такими организациями предлагаются нормативные подходы, принятые несколькими правительственными органами, заинтересованными в сфере реализации финансовых технологий («регулятивных песочниц»): Австралия, Европейский Союз, Малайзия, Сингапур, Южная Корея, Тайланд, Абу-Даби, Соединенное Королевство и США, которые приходят к выводу о том, что в то время как регулирующие органы во всем мире, в целом, приняли общие Стратегии для регулирования и изменения нормативной правовой базы в настоящей сфере, некоторые политические взгляды, которые широко распространены в США и распространяются на инновационную сферу, расходятся с международной практикой. Такие различия считаются вполне объяснимыми, поскольку нормативная правовая база за пределами США, как правило, более централизована.

Анализ особенностей регулирования института финансовых технологий в различных юрисдикциях показывает, что Стратегии распространения информации и внесения изменений в законодательные акты во многих зарубежных правовых порядках являются схожими. В частности, правительство Австралии создало несколько различных информационно-пропагандистских программ и направлений, в том числе Инновационный

центр Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям, который позволяет организациям неофициально запрашивать руководство по процессу осуществления лицензирования, а также по ключевым вопросам регулирования и возможным отказам от требований лицензирования и авторизации. США тоже использует информационно-пропагандистскую деятельность в рассматриваемой сфере, которая выражается в формировании целевых групп, созываемых Советом Федеральной резервной системы, включая Целевую группу по ускоренным платежам; Комиссию по торговле товарными фьючерсами и др.

В сфере нормативного регулирования финансовых технологий и возможного внесения изменений в действующие нормы, ЕС выпустил ряд Директив, которые транспонированы в национальное законодательство стран ЕС, создавая набор единых правил поведения. Южная Корея приняла Законы, предписывающие использование определенных форм заказов поставщиками платежных услуг и защищающие личную информацию потребителей. Отличие подхода США от других зарубежных юрисдикций заключается в приостановлении регуляторных барьеров. Однако в США усилия по продвижению инноваций рассматриваются только на национальном уровне без координации их в штатах. Также, можно сделать вывод о том, что США должны присматриваться к практике, которая складывается у международных регуляторов в рассматриваемой сфере и пытаться координировать подходы в своих штатах, которые поощряют инновации и могут способствовать устранению пробелов на рынке и защищает права потребителей на рынке финансовых услуг.

Финансовые инновации динамичны и постоянно возникают. В этой ситуации регуляторные органы активно принимают участие в таких процессах, как «финансовые технологии», «технические финансы», «регуляторные технологии», поскольку они могут не только интенсивно развиваться, но и уходить от контроля через использования технических средств. Поэтому режимы «песочницы», «консультации», «мобилизации» должны обеспечивать управление, а не чрезмерно фокусироваться на продвижении рыночных инноваций. Существующие взаимосвязи между целями регулирования, поощрением конкуренции и поощрением инноваций являются сложными категориями. Следовательно, существует необходимость в выработке нормативной правовой основы для рациональной оценки затрат и выгод от рыночных инноваций и правовых режимов регулирования.

В России в настоящее время разработан Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» [214], содержание которого вызывает достаточно много вопросов и дискуссий. В частности, законодатель в Проекте имеет намерение сформировать систематизированную базу цифровых записей на определенный период времени, однако уточнений в отношении конкретного периода нет. Говоря о систематизированной базе с юридической точки зрения всегда возникает база данных как объект интеллектуальной собственности. Кроме того, каков будет алгоритм постройки такой систематизированной базы? Какую смысловую нагрузку будет нести такая систематизированная база цифровых записей, если она фиксирует цифровые транзакции только на время? Будет ли техническая возможность на естественном языке распечатать такой реестр, чтобы он приобрел доказательственную базу? Полагаем, что все эти вопросы подлежат разрешению с учетом уже действующего как гражданского, так и банковского законодательства. Законодатель не хочет умышленно использовать термин блокчейн-платформы, поскольку такой термин уже применяется в зарубежных правовых порядках? Но ведь платформа блокчейна и распределенный реестр цифровых транзакций - это разные правовые конструкции. Если на блокчейне информация хранится не временно, например, персональные данные вообще нельзя удалить с платформы, то в указанном реестре законодатель опять говорит о временности сохранения данных. Возникает тогда логичный вопрос – зачем хранить информацию короткий период времени или вообще какой то период? Вероятно, такая информация должна все равно дублироваться на бумажных носителях в целях соблюдения Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [215]. Особенно это необходимо, если речь идет о проведении бухгалтерских и (или) иных финансовых и банковских операций с учетом надзорно-контрольных функций Центрального банка России [216]. Если законодатель определяет, что цифровой финансовый актив – это средство платежа, то оператор тогда не должен иметь полномочия по обмену таких активов на законные платежные средства. Это достаточно похожий механизм казино, когда так называемые «фишки» приобретаемые за деньги, по результатам игры выигравший обменивает обратно на деньги. Кроме того, в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ об играх и пари (ст.1062), где предусмотрено условия о том, что права игроков (те, кто играет в азартные игры) не подлежат судебной защите ни при каких обстоятельствах [217]. Тогда законодателю, предлагаемый механизм необходимо классифицировать с точки зрения существующих игр или применить теории игр, которые описаны известными зарубежными математиками.

Если законодатель предусматривает, что цифровые финансовые активы подлежат обслуживанию специализированными субъектами – профессиональными участниками рынка ценных бумаг [218], то тогда это положение необходимо скорректировать относительно Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [219].

Законопроект не в полной мере отражает эффективные методы и способы, которые могут повысить привлекательность и эффективность деятельности национальных объединений профессиональных участников и закрепления их правового статуса на рынке. В связи с чем, предлагается рассмотреть возможность корректировки предложенных Законопроектом положений в отношении правового статуса национальных объединений профессиональных участников.

С этой целью эффективное национальное объединение профессиональных участников должно иметь следующие характеристики независимо от сферы деятельности ее членов – профессиональных участников. Национальные объединения профессиональных участников обязаны в своей деятельности руководствоваться не только положениями федерального законодательства, но и иными нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в соответствующей сфере деятельности такого объединения. Соблюдение этих положений связано также и с соблюдением национальными объединениями профессиональных участников собственных локальных актов, не противоречащих нормативным регуляторам [220]. В национальных объединениях профессиональных участников должны реализовываться сильные механизмы управления, такие, которые могли бы обеспечить независимость органов управления. Такое распределение «нагрузки» будет минимизировать риск «захвата управления». Также, предложенный механизм будет способствовать прозрачности и приверженности определенному процессу, направленному на формирование мнения членов национального объединения профессиональных участников в их инициативе по высказыванию предложений для эффективного управления. С этой целью рекомендуется использовать национальным объединением профессиональных участников так называемой «комплаенс – системы» управления. [221 - 226]

Безусловно, что национальное объединение профессиональных участников, которое не применяет надзорно-контрольных мер, необходимых для предотвращения нарушений, влекущих применение штрафов, несет ответственность в случае, если такое нарушение было допущено, но могло бы быть предотвращено, если бы необходимые надзорно-контрольные меры были приняты. Ответственность организации –

национальных объединений профессиональных участников может сводиться, как правило, к выплате крупных денежных штрафов, устранению за свой счет последствий нарушения и т.д. Также к ответственности могут привлекаться отдельные должностные лица, входящие в органы управления национального объединения профессиональных участников, принимающие управленческие решения, либо в силу своей должности несущие ответственность за допущенные нарушения. Важный аспект такой ответственности состоит в том, что на уровне конкретного национального объединения профессиональных участников нарушение может быть осуществлено любым членом этого национального объединения профессиональных участников – СРО и их членов. В связи с чем предлагается распространить институт страхования ответственности руководителя и иных должностных лиц, как национального объединения профессиональных участников, так и члена национального объединения – руководителя СРО. Данный вид страхования распространяется только на ответственность отдельных должностных лиц, а не на ответственность юридического лица в целом, поэтому в целях минимизации рисков привлечения организации к ответственности необходимо внедрить соответствующие системы контроля.

Для того, чтобы упростить как национальным объединениям профессиональных участников, так и их членам – СРО задачу по внедрению комплаенс-систем, а также выработки руководящих принципов и единого подхода к оценке эффективности создаваемых и внедряемых стандартов на определенном уровне, а также поиску их уязвимых областей были разработаны (и регулярно актуализируются) различные международные стандарты, отразившие руководящие принципы и лучшие практики построения CMS (комплаенс-системы). [227, 228]

Кодексом корпоративного поведения также могут устанавливаться правила поведения в определенных ситуациях либо при работе с определенной информацией, например: защита данных – члены национального объединения профессиональных участников – СРО, а также сотрудники как национального объединения профессиональных участников, так и отдельно взятого СРО должны с особой осмотрительностью относиться к персональным данным, так как их сбор, обработка, хранение, передача и т.д. строго регулируются на законодательном уровне. Если понимать защиту данных более широко, сюда также можно отнести необходимость соблюдения конфиденциальности и охрану коммерческой тайны [229, 230]. По общему правилу, в случае необходимости обмена такой информацией с ее получателем заключается соглашение о конфиденциальности.

Анализируя эффективность деятельности национальных объединений профессиональных участников надо отметить, что управление конфликтами, является одним из их характеристик. В случае возникновения конфликтов между членами национального объединения профессиональных участников органам управления необходимо иметь правила и механизмы, которые позволят не только выявить конфликты интересов профессиональных участников, но и разрешить их с соблюдением прав и законных интересов третьих лиц. В этой связи следует подвергнуть анализу институт «инсайдерской информации» [231]. Подписывая соглашение о конфиденциальности при приеме на работу, сотрудники обязуются относиться к информации, ставшей им известной в связи с выполнением их служебных обязанностей, как к конфиденциальной. Это может быть любая информация – результаты проверок, сведения о штрафах и привлечении СРО или национального объединения профессиональных участников и т.д. [232].

Деятельность, которую осуществляют федеральные органы исполнительной власти в части контроля и регулирования деятельности членов национальных объединений профессиональных участников, включает установление четких стандартов поведения, корректировку, в целях избежания коллизий, а также последовательное применение мер административной ответственности. Также, деятельность федеральных органов исполнительной власти должна быть обеспечена доступом к различного рода информационным реестрам, в особенности размещенных (возможно) на платформе блокчейна. Такая возможность не только позволит отслеживать правомерность поведения членов национального объединения профессиональных участников, но и получать достоверную информацию о деятельности каждого члена национального объединения профессиональных участников. [233 - 236].

Ведение текущей или иной базы данных [237] о членах национального объединения профессиональных участников, доступной не только уполномоченным лицам федеральных органов исполнительной власти, но и потребителям, включает в себя все соответствующие жалобы потребителей на неправомерные действия как членов национальных объединений профессиональных участников, так и членов саморегулируемых организаций, являющихся членами таких объединений, а также дисциплинарную историю и те меры ответственности, которые были приняты в отношении недобросовестных лиц.

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Проведенное исследование позволило решить ряд крупных теоретических и прикладных задач. Прежде всего, предложена концептуальная модель правового регулирования отношений в условиях цифровой экономики в РФ. Определены социальные и юридические векторы развития цифровизации, консолидированные единой целью – обеспечение эффективного государственного управления в области цифровой экономики, позволяющего принимать не только оперативные, оптимальные, законные решения в процессе деятельности исполнительно-распорядительных органов, но и обеспечивать закрепленные в Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина в указанной сфере.

Успешное функционирование цифровой экономики возможно лишь при сбалансированном правовом регулировании. Здесь речь идет, в первую очередь, об оптимальном соотношении норм права и других социальных регуляторов. Своеобразным индикатором пределов правового регулирования выступают возможные риски, отсутствие таких рисков или низкая категория риска позволяет говорить о возможном соотношении права и других социальных регуляторов. В частности, подобным инструментом может выступить саморегулирование, которое частично обеспечивается нормами морали и этики и частично страхованием.

Данный подход позволил сформулировать понятие цифровой экономики как объекта правового регулирования представляющего собой совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и защиту публичных интересов посредством принятия мер государственного воздействия, пределы применения которых определены на основе риск-ориентированного подхода, и на реализацию частных интересов граждан и организаций посредством индивидуального регулирования на основе автономии воли субъектов, возникающих в связи с применением в практической деятельности человека основанных на цифровых технологиях методов генерирования, обработки, хранения и передачи данных. Дефиниция была положена в основу формирования концептуальной модели правового регулирования отношений в области цифровизации.

Исследование международно-правовых стандартов цифровой экономики позволило создать проекцию основных регулятивных парадигм в Российской Федерации, которая может быть обеспечена решением следующих задач:

формирование понятийного аппарата и «цифровых» регулятивных принципов, позволяющих обеспечить структурное реформирование национальной экономики в части

минимизации сырьевой составляющей и повышения доли инновационного сегмента, что обусловит последующее научно-техническое движение и конкурентоспособность отечественного продукта;

правовое сопровождение цифровизации, правовое опосредование статуса участников цифровых экономических отношений, их видовой спецификации и спецификации объектов, правопорождающих юридических фактов, инструментария правового принуждения;

правовое регулирование обязательной оценки экономических эффектов проектирования нормативно-правовых актов в области цифровизации в части оценки регулирующего и фактического воздействия; развитие инструментария проектирования экспериментальных правовых режимов; синхронизация инвестиционного регулирования и цифрового развития;

мораторий на введение новых транзакций государства с гражданами и организациями и трансформация содержания и процедур контрольно-надзорной деятельности с учетом цифровых новаций;

развитие потенциала стандартизации административно-управленческих процессов; конструирование необходимой нормативно-правовой базы и библиотеки национальных стандартов в цифровом формате. В этой связи следует говорить о необходимости формирования концептуальных основ стандартизации в области цифровизации в части создания и гармонизации национальной экспертной экосистемы, корпоративных систем стандартизации, международных и иностранных систем стандартизации.

Обоснована необходимость формирования системы государственного управления, адаптированной к современным цифровым технологиям. В частности, предложена комплексная модель применения «сквозных технологий» в государственном управлении. На основе исследований, проводимых в области цифровой трансформации, разработан комплекс мер, направленных на адаптацию и «мягкую» интеграцию в систему государственного управления наиболее перспективных цифровых технологий, законодательное обеспечение их развития и регулирования в современных российских условиях.

Исследование организации отправления правосудия позволило обосновать необходимость внедрения цифровых технологий в систему судопроизводства. В частности, предложены законодательные варианты перехода судов на полный электронный документооборот, унификации системы подачи процессуальных документов, оптимизации работы ГАС «Правосудие» и других систем.

Аргументирована необходимость принятия законов в области регулирования электронной подписи, в том числе «облачной», об электронном делопроизводстве в нотариате, о 3Д-моделях, об электронных трудовых книжках, о льготном налогообложении ИТ-компаний, об идентификации, включая электронный паспорт, криптовалют, электронном архиве и др. Принятие данных нормативно-правовых актов будет способствовать не только снижению издержек в экономике, но и позволит сконцентрировать внимание на защите прав человека.

Комплексный подход к исследованию правового обеспечения цифровой экономики, позволил установить что российский регулятор идет по пути адаптации национальной правовой системы к новым информационным реалиям. В условиях, когда современное общество впадает в колоссальную зависимость от цифровых ресурсов и технологий для связи, хранения, распространения и получения информации, пробелы в правовом регулировании множатся, так как право не способно быстро продуцировать надлежащий нормативный материал. Соответственно, на современном этапе, возможно, большее значение имеет не создание национального кодифицированного акта, опосредующего цифровые технологии и сопутствующие явления и отношения, а поиск и построение универсальной наднациональной регуляторной модели киберпространства.

Авторы считают, что разработанные ими идеи и теоретические положения окажут серьезное влияние на совершенствование законодательства России в области цифровой экономики, а также будут способствовать развитию эффективной цифровой модели государственного управления.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хабриева Т. Право в условиях цифровизации.// [www.gur.ru](http://www.gur.ru)
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 23.05.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»// Собрание законодательства РФ, 2014, N 18 (часть II), ст. 2159.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»// утратил силу
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7)// <https://digital.gov.ru>
5. Policy paper UK Digital Strategy 2017. Published 1 March 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy>.
6. Germany digital-strategy-2025. URL: <https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/EN/Publikation/digital-strategy-2025.pdf?blob=publicationFile&v=9>.
7. France's International Digital Strategy. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/digital-diplomacy/france-s-international-digital-strategy/>.
8. Digital single market. URL: [https://ec.europa.eu/commission/priorities/digital-single-market\\_en](https://ec.europa.eu/commission/priorities/digital-single-market_en).
9. Digital Transformation Strategy Vision 2025. URL: <https://www.dta.gov.au/>.
10. Ручкина Г.Ф., Шайдуллина В.К. Финансовые технологии в России и за рубежом: тенденции правового регулирования создания и использования // Банковское право. 2018. N 2. С. 7 - 17.
11. См.: <http://lexdigital.ru/2018/033/>. (дата обращения - 29.09.2019).
12. <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000801164> (дата обращения - 29.09.2019).
13. Определение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160 Ф// СПС «КонсультантПлюс»
14. Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte. NY: Knopf, 1995. - 256 p.
15. Матвеева В.М. Цифровая экономика: тренды и перспективы // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности: сб. материалов V Международной науч.-практ. конф. - М., 2017. - С. 98–104.
16. Норец Н.К., Станкевич А.А. Цифровая экономика: состояние и перспективы развития // Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. - С. 173–179.
17. Василенко Н.В. Цифровая экономика: концепции и реальность // Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика : труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. - С. 147–151.
18. Якушенко К.В., Шиманская А.В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств – членов ЕАЭС // Новости науки и технологий. - 2017. - № 2(41). - С. 11–20.
19. Татаринова С. С. Цифровая экономика и право: новые вызовы – новые перспективы // Юридический вестник Самарского университета. - 2017. - № 3. - С. 62-66.
20. <https://regulation.gov.ru/projects#npa=93066>
21. Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-globalnaya-problema-i-ee-reshenie>
22. <https://www.garant.ru/news/1139843/>
23. Итоговый документ совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященного общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества 16.12.2015. URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/70/125>.
24. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // Парламентская газета. № 45. 02-08.12.2016.
25. Доклад «Всестороннее исследование проблемы киберпреступности» Проект, февраль 2013 года. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. с. 88. URL : [https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime\\_Study\\_Russian.pdf](https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf).
26. Итоговый документ совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященного общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества 16.12.2015. URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/70/125>.
27. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность / Препринт. М.: ДПК Пресс, 2018.
28. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография (отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова). М., Юстицинформ, 2019 // Доступ из СПС Консультант Плюс

29. Харитонов Ю.С. [Правовое значение фиксации интеллектуального права](#) с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1.
30. Бабина К.И., Тарасенко Г.В. [Проблемы правового регулирования криптовалюты](#) в российском законодательстве // Право и экономика. 2018. № 1.
31. Максуров А.А. Общее понятие о майнинге как экономико-юридической технологии // Право и экономика. 2018. № 3.
32. Бодилковский А.В. [Дистанционное заключение договоров](#) на оказание банковских услуг // Право и экономика. 2018. № 6.
33. Ибрагимов Р.С., Сурагина Е.Д. Гуманитарный подход к регулированию искусственного интеллекта // Право и экономика. 2018. № 4.
34. Буркова А.Ю. Использование искусственного интеллекта: нужно ли регулирование? // Право и экономика. 2018. № 9.
35. Инюшкин А.А. [Информация в системе объектов](#) гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4.
36. Кириченко О.В. [Информация как объект гражданских правоотношений](#) // Современное право. 2014. № 9.
37. Зверева Е.А. [Информация как объект неимущественных гражданских](#) прав // Право и экономика. 2003. № 9.
38. Савельев А.И. [Электронная коммерция в России](#) и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016.
39. Буркова А.Ю. Регулирование финансовых технологий в России // Право и экономика. 2018. № 5.
40. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. [Цифровые активы как объекты](#) предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4.
41. Максуров А.А. [Использование криптовалюты при заключении](#) и исполнении гражданско-правовых договоров // Право и экономика. 2018. № 8.
42. Макачук Н.В. [Публично-правовые ограничения](#) как основание для определения криптовалют // Право и экономика. 2018. № 1.
43. Перов В.А. [Криптовалюта как объект гражданского права](#) // Гражданское право. 2017. № 5.
44. [Организационно-правовые формы венчурного инвестирования](#) (часть 2): венчурные фонды в форме товариществ // Право и экономика. 2017. № 7.
45. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 31.12.2017) // <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2014; <http://www.pravo.gov.ru>, 31.12.2017.
46. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2018.
47. По оценкам Digital McKinsey, цифровизация экономики России может увеличить ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб., что составит 19–34% от общего роста ВВП // «Цифровая Россия: Новая реальность» // [www.mckinsey.com/global-locations/europe-and-middleeast/russia/ru/our-rk/mckinsey-digital](http://www.mckinsey.com/global-locations/europe-and-middleeast/russia/ru/our-rk/mckinsey-digital).
48. «Цифровое правительство 2020. Перспективы для России». Всемирный банк. - М., 2016 – С. 5.
49. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017.
50. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (ред. от 23.05.2019) // <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2014; <http://www.pravo.gov.ru>, 27.05.2019.
51. Обзор электронных услуг правительства Великобритании показал, что перевод на цифровые каналы 30% контактов «фронт-офиса», занимающегося оказанием государственных услуг, дает валовую годовую экономию свыше 1,3 млрд фунтов стерлингов, при этом перевод на цифровой канал 50% контактов может увеличить эту экономию до 2,2 млрд фунтов стерлингов // Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. Всемирный банк. М., 2016 – С. 8.
52. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4179; <http://www.pravo.gov.ru>, 01.04.2019.
53. Актуальная версия перечня государственных услуг и государственных функций по осуществлению государственного контроля (надзора) по состоянию на 11 сентября 2019 г. // <http://ar.gov.ru/ru-RU/presscentr/news/view/642>.
54. Бюллетень Счетной палаты. .Ноябрь 2018. № 11. // [http://audit.gov.ru/activities/bulleten/933/35235/?fbclid=IwAR1Xz9D7eaNJkoibtKR8\\_i6ui7xKQfhNUJcVIX11lhAUT6QSS57Rq-swcA](http://audit.gov.ru/activities/bulleten/933/35235/?fbclid=IwAR1Xz9D7eaNJkoibtKR8_i6ui7xKQfhNUJcVIX11lhAUT6QSS57Rq-swcA).
55. Кузнецова, Е.А. Федорченко, Е.А. Становление терминологии информационного права в современном русском языке. / Е.А. Кузнецова, Е.А. Федорченко - М.: РИО РТА, 2018.
56. Проект Федерального закона № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // <https://sozd.duma.gov.ru>.

57. Заржицкий, И. Какие риски несет цифровая экономика / И. Заржицкий // Новый оборонный заказ. 2018. № 3. – С. 78.
58. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>, 08.04.2019.
59. Госуправление по науке. Выступление президента РАН на Гайдаровском форуме-2018. [indicator.ru/article/2018/01/17/rech-sergeeva-na-gajdarovskom-forume](http://indicator.ru/article/2018/01/17/rech-sergeeva-na-gajdarovskom-forume).
60. Иванов, В.В., Малинецкий, Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. / В.В. Ивашов, Г.Г. Малинецкий - М.: РАН, 2017. – С. 56.
61. Смотрицкая, И.И., Черных, С.И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления / И.И. Смотрицкая, С.И. Черных // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5.
62. Госуправление по науке. Выступление президента РАН на Гайдаровском форуме-2018. [indicator.ru/article/2018/01/17/rech-sergeeva-na-gajdarovskom-forume](http://indicator.ru/article/2018/01/17/rech-sergeeva-na-gajdarovskom-forume).
63. Мильнер, Б.З. Итоги и уроки (о книге Дж. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции») / Б.З. Мильнер // Вопросы экономики. 2003. № 9.
64. Цифровое правительство 2020. Перспективы для России». Всемирный банк. М., 2016. – С. 8.
65. Петров, М., Буров, В., Шклярчук, М., Шаров, А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров / Доклад ЦСР. - М., 2018. // [www.csr.ru](http://www.csr.ru).
66. Иванов, В.В., Малинецкий, Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива / В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий - М.: РАН, 2017.
67. Косоруков, А.А. Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) / А.А. Косоруков // Тренды и управление. 2017. № 4. С. 81-96.
68. Иншакова, Е.Г. Электронное правительство в публичном управлении: монография. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
69. Дрожжинов, В.И., Куприятновский, В.П., Евтушенко, С.Н., Намиот, Д.Е. Стратегический подход к формированию цифрового правительства США // International Journal of OpenInformation Technologies. 2017. № 4. – С. 29-54.
70. UNE-GovernmentSurvey 2016 // <https://publicadministration.un.org>
71. «Цифровое правительство 2020. Перспективы для России». Всемирный банк. - М., 2016.
72. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // <https://digital.gov.ru> по состоянию на 09.07.2019.
73. Приказ Минэкономразвития России от 16.09.2016 № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» (ред. от 15.03.2017) // <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2016; <http://www.pravo.gov.ru>, 10.04.2017.
74. Распоряжение Правительства РФ от 03.06.2019 № 1189-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий («дорожная карта») по созданию национальной системы управления данными на 2019 - 2021 годы» // <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019.
75. Проект Федерального закона «О национальной системе управления данными и о внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации в Российской Федерации» // <https://regulation.gov.ru>.
76. Распоряжение Правительства РФ от 10.05.2014 № 793-р «Об утверждении Концепции методологии систематизации и кодирования информации, а также совершенствования и актуализации общероссийских классификаторов, реестров и информационных ресурсов» (ред. от 13.10.2017) // <http://www.pravo.gov.ru>, 14.05.2014; <http://www.pravo.gov.ru>, 17.10.2017; Постановление Правительства РФ от 07.06.2019 № 733 (вместе с «Правилами разработки, ведения, изменения и применения общероссийских классификаторов технико-экономической и социальной информации») «Об общероссийских классификаторах технико-экономической и социальной информации» // <http://www.pra>
77. Идрисов Г.И., Мау В.А., Божечкова А.В. В поисках новой модели роста Вопросы экономики. - 2017. - № 12. - С. 5-23.
78. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 17.05.2019).
79. Добролюбова, Е.И. Совершенствование правового регулирования информационного обеспечения государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. - 2017. - № 2. - С. 24 – 28.
80. Ковалева, Н.Н. Система информационного обеспечения органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. - 2012. - № 6. - С. 24 – 27.
81. Южаков, В., Добролюбова, Е., Александров, О. Государственное управление по результатам: старые рецепты или новая модель? // Экономическая политика. - 2014. - № 5. - С. 191 – 207.

82. Ежукова, О.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. - 2012. - № 1. - С. 61 – 67.
83. Васютин, Ю.С., Ветрова, Е.Н. Роль и место информационно-аналитического обеспечения органов власти в условиях повышения эффективности государственного управления // Среднерусский вестник общественных наук. - 2013. - № 3. - С. 31 – 38.
84. Южаков, В.Н., Александров, О.В., Талапина, Э.В. О системности правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Журнал российского права. - 2015. - № 7 (223). - С. 114 - 121.
85. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы. Утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
86. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
87. Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 12.12.2014 № К 1274 // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.fsb.ru>
88. Концепция информационной безопасности детей. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
89. Концепция методологии систематизации и кодирования информации, а также совершенствования и актуализации общероссийских классификаторов, реестров и информационных ресурсов. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 10.05.2014 № 793-р (ред. от 13.10.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
90. Концепция перевода обработки и хранения государственных информационных ресурсов, не содержащих сведения, составляющие государственную тайну, в систему федеральных и региональных центров обработки данных. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2015 № 1995-р (ред. от 18.10.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
91. Концепция оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.08.2015 № 1616-р (ред. от 18.10.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
92. Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 49. - Ст. 6043.
93. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 1. - Ст. 48.
94. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3448.
95. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 7. - Ст. 776.
96. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6217.
97. Сальников В. Российская официальная статистика с точки зрения потребностей экспертно-аналитического обеспечения принятия решений органами исполнительной власти // Научный вестник ИЭП им. Гайдара. - 2017. № 1. – С. 46-49.
98. Добролюбова Е.И. Совершенствование правового регулирования информационного обеспечения государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. - 2017. - № 2. - С. 24 – 28.
99. Трофимов В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. - 2017. - № 3. - С. 14.
100. Тедеев А.А. Трансформация системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Труды по интеллектуальной собственности. - 2016. - Т. 24. - № 1. - С. 123–140.
101. Марченко М.Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica. - 2018. - № 5 (138). - С. 19-32.
102. Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 20.11.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 38. - Ст. 4823.
103. Ткачев А.В. Сравнительный обзор процессуального законодательства, регулирующего использование электронных документов в качестве доказательств // Судья. - 2014. - № 5.

104. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. - 2017. - № 5. - С. 94 - 117.
105. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. - 2017. - № 6. - С. 46 – 62.
106. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. - 2017. - № 5. - С. 157 – 170.
107. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают. Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. - М., 2017.
108. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. - 2017. - № 8. - С. 14 – 25.
109. Правительство России - URL: <http://static.government.ru/media/files/1P5evO23war1woLA0q8aJ2DtAqsydInS.pdf>.
110. Сурагина Е.Д., Ибрагимов Р. Гуманитарный подход к регулированию искусственного интеллекта // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. - М.: ИГП РАН, 2018. – С. 210-232.
111. Тедеев А.А. К вопросу о трансформации системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. - М.: ИГП РАН, 2018. – С. 23-32.
112. Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. - М.: ИГП РАН, 2018.
113. Полякова Т.А. Перспективы кодификации информационного законодательства // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. - М.: ИГП РАН, 2018. – С. 15-23.
114. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
115. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. - 2017. - № 11. - С. 5–18.
116. Мажорина, М.В. Мировая экономика цифровых платформ: Поиск новых регуляторных моделей // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. Московский государственной юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: Проспект, 2019. – 19-34.
117. Войниканис Е.А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права: сборник научных работ. - М.: Изд. Воробьев А.В., 2010. Вып. 1. - С. 138–161.
118. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 17.05.2019).
119. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы"» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.
120. Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 51-59.
121. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.
122. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3889.
123. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 "Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа" // Бюллетень актов по судебной системе. – № 2. – 2017.
124. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов" // Российская газета. – № 297. – 2017.
125. Постановление Пленума от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // Документ опубликован не был.
126. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7523.

127. Определение Конституционного Суда РФ от 08 ноября 2018 г. № 2797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности части 6 статьи 121, абзаца третьего части 1 статьи 177 и части 2 статьи 259 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был.
128. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). – М.: Городец, 2017. – С. 228 - 229.
129. Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 51-59.
130. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Применение информационных технологий в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 40-46.
131. Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 220-228.
132. Смоленский И.Н. Идентификация лица (субъекта арбитражного процесса) в электронном правосудии // Вестник гражданского процесса. 2018. N 1. С. 248 - 255.
133. Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 2. С. 55-75.
134. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. N 4. С. 85.
135. URL: <http://apgazeta.kz/2014/11/21/chelovek-i-zakon-6/>
136. Брановицкий К.Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24-27.
137. Интернет-интервью с А.В. Гусевым, генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: «Развитие и совершенствование информационных технологий в деятельности российских судов» // URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/gusev2/>
138. Малешин Д.Я., Филатова М.А., Ярков В.В. Тенденции развития современного гражданского процесса (по материалам XIII Всемирного конгресса процессуального права, 2007 г.) // Вестник ВАС РФ. 2008. № 11. С. 97.
139. Лазаренкова О.Г. К вопросу о создании единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей // Администратор суда. 2016. № 1. С. 8-12.
140. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. - М., 1986. - 451 с.
141. Максимова О. А. «Цифровое» поколение :стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве / Вестник Челябинского государственного университета. - № 22 (313) . - 2013. - С. 6-10.
142. Мищериков А. А. Безопасность и свобода личности в информационном обществе: анализ проблемы / Теория и практика общественного развития. – 2011. - С. 39-42.
143. Козн Дж. Новый цифровой мир / Пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
144. Садов К. С. Новая цифровая эпоха: основы информационной безопасности в государственной политике России/ Русская политология. – 2018. - С. 79-82.
145. Росс А. Индустрии будущего / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2017.
146. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. – 2019. - № 38.
147. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. - № 20. - Ст. 2901.
148. Овчинников С. А., Овчинников И. С. Актуальные аспекты проблемы соблюдения прав человека в информационном обществе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2013. - N 5. - С. 158-159.
149. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. - 2016. – 6 декабря.
150. Большаков С. Н. «Цифровая среда государственной политики и общественные запросы: баланс интересов и потребностей // Вопросы управления. - 2018. - С. 46-48.
151. Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Российская газета. - 2017. - N 167.
152. Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е. Проблема классификации теорий информационного общества / Современные исследования социальных проблем . – 2017. –С. 80-110.
153. Тимофеев А. Г., Лебединская О. Г. Цифровая экономика : реалии, перспективы и приоритеты развития / Россия : тенденции и перспективы развития. – 2018. - С. 407-409.
154. Трибушный И. Ю., Трибушная М.И., Трибушная В. Х. Ключевые аспекты российской цифровой экономики и ее нормативного регулирования / Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. - С. 335- 341.
155. Дрожжинов, В.И., Куприяновский, В.П., Евтушенко, С.Н., Намиот, Д.Е. Стратегический подход к формированию цифрового правительства США // International Journal of OpenInformation Technologies. 2017. № 4. – С. 29-54.

156. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности / Журнал российского права. - 2018. - № 1. - С. 85–102.
157. Шабаетова О. А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы / Журнал Сибирский юридический вестник. – 2019. – С. 16-20.
158. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006. - № 413.
159. Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики) : учеб.пособие. 2-е изд., испр., доп. / под ред. М. М. Рассолова, В. Д. Элькина. - М. : Контракт, 2007. - 287 с.
160. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности : учеб.пособие. - М. : Проспект, 2017. - 272 с.
161. Законность: теория и практика : монография / М. С. Андрианов [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. - М. : Контракт, 2017. - 400 с.
162. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 // Дипломатический вестник август. – 2000. - № 8.
163. Полякова Т. А. Информационная безопасность в условиях построения информационного общества в России : монография. М. : - РПА МЮ РФ, 2007. - 196 с.
164. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. - N 20. - Ст. 2901.
165. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // Парламентская газета. – 2016. - N 45.
166. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Право и цифровая экономика : основные направления взаимодействия / Философия права. – 2018. - С. 128 – 134.
167. Филипова И. А. Искусственный интеллект и трудовые отношения: социальные перспективы и тенденции правового регулирования / Российская юстиция. - 2017. - № 11.
168. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. - N 20. - Ст. 2901.
169. Габазова Я. Д., Голева Г. А. Международная оценка развития электронного правительства в Российской Федерации (на примере индекса развития электронного правительства ООН) / Молодой исследователь Дона. – 2017. С. 170 – 177.
170. Южаков В. Н., Ефремов А. А. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий / Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2017. - С. 62- 69.
171. Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» / Российская газета. – 2015. - N 1.
172. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. – 2016. - № 49. - Ст. 6887.
173. Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» / Собрание законодательства РФ. – 2017. - № 17. - Ст. 2546.
174. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Российская газета. – 2006. - № 4131.
175. Мхитарян Ю.И. Приоритеты регулирования информационной экономики / Век качества. – 2012. - С. 12-14.
176. Большаков С.Н. Цифровая среда государственной политики и общественные запросы: баланс интересов и потребностей / Вопросы управления. – 2018. –С. 45- 53.
177. Михайлов А.В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки, 2015.- Т.157., кн.6.-С.133-141.
178. Audretsch DB, Feldman MP (1996) R&D spillovers and the geography of innovation and production. - Am Econ Rev 86:P.630–640.
179. Aghion P, Dewatripont M, Du L, Harrison A, Legros P (2011) Industrial policy and competition. - GRASP Working Paper P.17.
180. Schumpeter JA (1934) The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Harvard University Press, Cambridge, MA. P.24.
181. Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 35. - Ст. 4137.
182. Собрание законодательства РФ. - 2012. - №1. - Ст. 216.
183. Программы инновационного развития компаний с государственным участием: промежуточные итоги и приоритеты / М.А. Гершман, Т.С. Зинина, М.А. Романов и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг, А.Н. Клепач, П.Б. Рудник и др. - М.: НИУ ВШЭ, 2015. - С. 5.
184. Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 40. - Ст. 4970.
185. Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 31 (Ч. I). - Ст. 4765.
186. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 N 779 (ред. от 02.08.2018) «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 32. - Ст. 4768.
187. Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 27. - Ст. 3951.
188. Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 30 (ч. II). - Ст. 3127.

189. Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 48. - Ст. 6658.
190. Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 1 (ч. I). - Ст. 26.
191. Ершова И. В. Предпринимательское право : Учебник для вузов. - М. : Юриспруденция, 2005. - С. 320.
192. Розанова И. М. Структура рынка и стимулы к инновациям // Проблемы прогнозирования. - 2002. - № 3. - С. 93.
193. Евсеева Л. А. Правовое регулирование инновационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. - М., 2005. - С. 75–76.
194. Сушкова О.В. Гражданско-правовой режим инноваций в научно-технической сфере (на примере деятельности высших учебных заведений): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. - М., 2010. - С. 9.
195. Manyika J, Chui M, Brown B et al (2011) Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity. [http://www.mckinsey.com/Insights/MGI/Research/Technology and Innovation/Big data The next frontier for innovation/](http://www.mckinsey.com/Insights/MGI/Research/Technology%20and%20Innovation/Big%20data%20The%20next%20frontier%20for%20innovation/)
196. Собрание законодательства РФ. - 2019. - № 12. - Ст. 1224.
197. Собрание законодательства РФ. - 2019. - № 11. - Ст. 1119.
198. Freeman C. The National System of Innovation in historical perspective. - Cambridge Journal of Economics 1995. - № 19. - P. 5-24.
199. Lundvall, B.-Å., (ed.), National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. - London: Pinter Publishers, 1992. - P.19.
200. National Innovation Systems: A comparative Analysis. N.Y.: Oxford University Press, 1993. - P.55.
201. Peritz RJR (2006) Patents and competition: toward a knowledge theory of progress. Paper presented at the 2006 ATRIP conference in Parma, Italy, 4–6 September 2006. - P.44.
202. De Soto JH (2009) The theory of dynamic efficiency. Routledge, London and New York. - P.23.
203. Cohen W, Levin R (1989) Empirical studies of innovation and market structure. In: Schmalensee R, Willig R (eds) Handbook of industrial organisation. North-Holland, London, pp 1060–1107.
204. Winter SG (2006) The logic of appropriability: from Schumpeter to Arrow to Teece. Res Policy 35:P.1100–1106.
205. Europa InterCluster (2010) The Emerging of European World-Class Clusters. Europa InterCluster, Brussels.
206. Summed up in J Armour et al, Principles of Financial Regulation (Oxford, Oxford University Press, 2015) ch 3. The rationales for financial regulation have progressed from being driven by market efficiency to a broader form of economic public interest, such as in collective financial stability, especially after the global financial crisis 2007-09. See also Mads Andenas and Iris H-Y Chiu, The Foundations and Future of Financial Regulation (Oxford, Routledge, 2014).
207. Gillian Hadfield, “Producing Law for Innovation” in Kauffman Foundation, Rules for Growth (Missouri, 2011) ch 2; also note Law in the Flat World (2010), available at <[works.bepress.com/ghadfield](http://works.bepress.com/ghadfield)>.
208. Financial Services and Markets Act 2000, ss 1B-1E, amended by the Financial Services Act 2012.
209. For example see Giuseppe Nicoletti and Stefano Scarpetta, “Regulation, Productivity and Growth: OECD Evidence” (World Bank Research Paper, 2003); Alain de Serres et al, “Regulation of Financial Systems and Economic Growth” (OECD Working Paper, 2006), available at <<http://ssrn.com/abstract=965693>>.
210. Douglas Arner, János Barberis and Ross P. Buckley, “Fintech, Regtech, and the Reconceptualization of Financial Regulation” (2017) 37 NW. J. INT’L L. & BUS. 371, available at <<http://ssrn.com/abstract=2847806>>; FCA, Call for Input: Supporting the Development and Adoption of RegTech (November 2015) and Feedback Statement: Call for Input: Supporting the Development and Adoption of RegTech (July 2016).
211. See an overview in Iris H-Y Chiu, “Fintech and Disruptive Business Models in Financial Products, Intermediation and Markets - Policy Implications for Financial Regulators” (2016) 21 Journal of Technology Law and Policy 168.
212. In light of the established market gaps for consumer investment advice, the FCA would look specifically into how financial technology innovation can fill the gap. See FCA, Financial Advice Markets Review (April 2017).
213. Highlighted by the Financial Stability Board, see FSB, Financial Stability Implications from Fintech (27 June 2016), available at <[www.fsb.org/2017/06/financial-stability-implications-from-fintech/](http://www.fsb.org/2017/06/financial-stability-implications-from-fintech/)>.
214. Проект Федерального закона N 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» (текст ко второму чтению) // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57223.html/>
215. Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 43. - Ст. 4169.
216. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 28. - Ст. 2790.
217. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - N 5. - Ст. 410.
218. Федеральный закон от 21.11.2011 N 325-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об организованных торгах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. - 2011- N 48. - Ст. 6726; Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. - N 17. - 1996. - Ст. 1918.

219. Федеральный закон от 13.07.2015 N 223-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.12.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - N 29 (ч. I). - Ст. 4349.
220. Михайлов А.В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. - 2015. - Т.157., кн.6.-С.133-141.
221. Положение об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах, утв. Банком России, 16.12.2003 N 242-П // Вестник Банка России. - № 7. - 2004.
222. Rundschreiben der BaFin (BA 54-FR 2210-2012/0002): Mindestanforderungen an das Risikomanagement (MaRisk) п. 4.3 / См. п. 4.3 Циркуляра Федерального Управления по финансовому надзору: минимальные требования к управлению рисками.
223. Решение Земельного суда г. Мюнхен / LG München I, ZIP 2014, S. 570.
224. Сушкова О.В. Конкурентные механизмы оборота фармацевтических изделий и биотехнологий в предпринимательской деятельности // Конкурентное право. - 2019. - №2. - С.17-24.
225. Kasten/Traugott: Das ICC Toolkit zur kartellrechtlichen Compliance auf Deutsch und das ICC KMU-Toolkit („SME Toolkit“) – Eine Einführung und „Gebrauchsanleitung“ (Инструмент по антимонопольному Комплаенсу, разработанный МТП – введение и «руководство по использованию») (CCZ 2015, 157).
226. <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:19600:ed-1:v1:en>. (дата доступа 12.06.2019)
227. Eichler, Hubertus – Compliance-Management-Systeme – Praktische Ausgestaltung für Teilbereiche Antikorruption sowie Wettbewerbs- und Kartellrecht (Система комплаенс-менеджмента: практическая организация в части антикоррупционного и антимонопольного законодательства), in: WPg 2015, S. 7 – 15.
228. Meinhard Remberg: Beobachtungen und Anmerkungen zu Compliance im Mittelstand, CCZ 2015, 97.
229. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 32. - Ст. 3283.
230. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 52 (1 ч.). - Ст. 5496.
231. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4193.
232. Близнякова Н.В. Построение системы Compliance в группе компаний // Сборник статей о праве Германии. - Вып. №2 (Май 2017). - С.194.
233. Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. - №5. - 2018. - С.11.
234. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (Ч. 1). - Ст. 16.
235. Конференция «Практическое саморегулирование» // URL: <http://nostroy.ru/372fz/presentations/iv-mezhdunarodnaya-konferentsiya-prakticheskoe-samoregulirovanie/> (дата доступа 12.06.2019).
236. Новоселова Л., Медведева Т. Блокчейн для голосования акционеров // Хозяйство и право. - 2017. - №10. - С.10-21.
237. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2019. - № 12. - Ст. 1224.